

Д ★ С ★ С ★ С ★ Д
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

КРАСНОАРМЕЕЦ

1917-1920

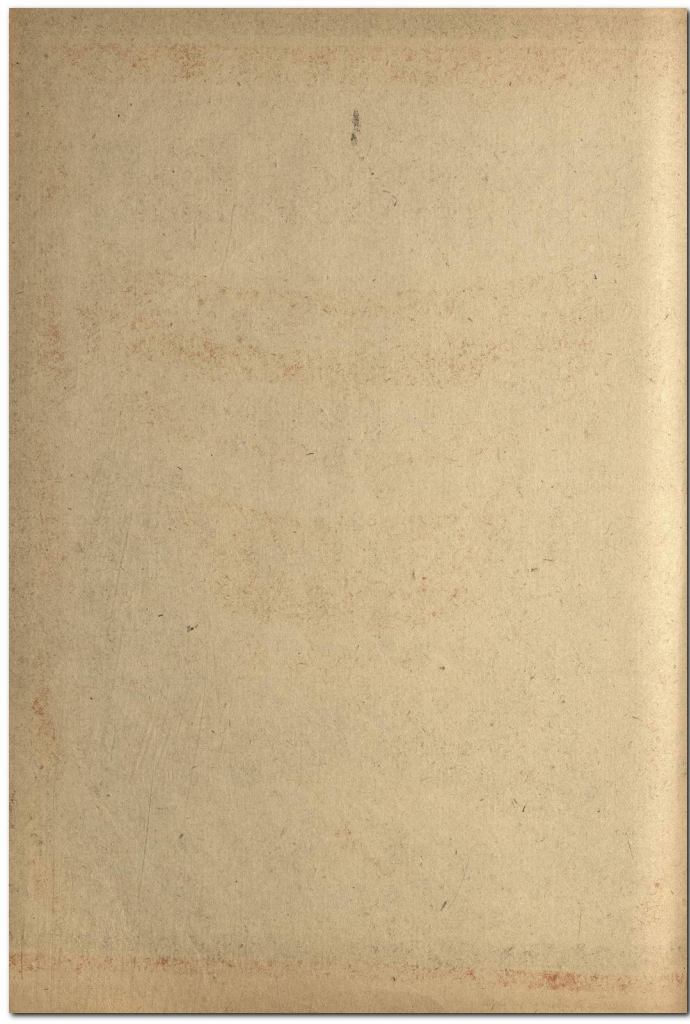
ЮБИЛЕЙНЫЙ

28-30

ТРИ ГОДА
БОРЬБЫ

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТ. ОТДЕЛ ПОЛИТУР
РЕВВОЕНСОВЕТА - РЕСПУБЛИКИ

Л. Армстронг
1920

ТРИ ГОДА
БОРЬБЫ
ТРИ ГОДА
ПОБЕД
1917. 1920

ЮБИЛЕЙНЫЙ НОМЕР
28 ЖУРНАЛА 30
КРАСНОАРМЕЕЦ

О НЕЗАБЫВАЕМОМ

Не будет никогда забыт
Громовый пир огня и стали,
Когда мы осень распинали
На медных заревах борьбы.

Кровавой ненависти жало
Накаливалось на огне,
А явь мечту опережала,
А пуги пели о весне.

Не личности, не единицы,
А сотни тысяч на костре;
И души—огненные птицы
Летели к солнцу в октябре.

Ах, было радостно до боли
Взорвать сердцами будни лет,
Из черной, вековой неволи
Вдруг погрузиться в яркий свет.

Не будет никогда забыт
Громовый пир огня и стали,
Когда мы осень распинали
На медных заревах борьбы.

В. Александровский.

КРАСНОАРМЕЕЦ

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ И ПОЛИТИКИ

Задача на четвертый год.

Третья годовщина застаёт Красную Армию попрежнему в разгаре боев. Мы создали огни и дым централизованной аппарат, — аппарат военного управления, воспитали значительные кадры нового состава, стали опытные, крепче и сильнее, но Красная Армия еще далека от того, чем она должна стать.

До сих пор мы развивались больше в ширину, теперь нам необходимо пойти в глубину. До сих пор мы брали, главным образом, количеством, нам нужно научиться брать количеством.

Четвертый год должен ввести нас в новый период военного строительства.

Нужно сжать тыл, увеличить число бойцов за счет числа обслуживающих.

Пехота — главная масса армии — должна поднята на более высокую ступень, каждый стрелок должен пройти выучку по высшей мере учебной команды. Запасные бригады должны стать образцовыми школами военного воспитания и обучения.

Нужно развить и углубить работу на высших командных составах. Они должны нам

давать теоретически и практически подготовленных красных командиров.

Наши кавалерийские массы должны подвергнуться тщательному отбору и воспитанию. Технические части армии должны быть приведены в соответствие с последними выводами военного дела.

Пролетарская революция еще не одержала окончательной победы во всем мире. Красной Армии предстоит поэтому много работы впереди.

Развиться в глубину, повыситься качественно, подняться на более высокую ступень, такова программа четвертого года.

Л. Троцкий

ВОСКРЕСЕНИЕ

Словно зверицы растут города,
Дышат громадными жабрами-горнами.
Дым свой ввершили трубами черными,
Трубят в гудки и гудят в провода,
В жилах свинцовых струится вода.
Балки сцепились, словно в борьбе,
Нервы из проводов камни пронзили—
Это рабочие люди сложили
Барам хоромы, а тюрьмы себе.

2.

Богатым палаты, театры, моторы,
Музеи, сады, рестораны.
Рабочим—подвалы, сырые, как норы,
Кладбища с церквями, палов угловы,
Трактиры, лачуги, харчевни,
В воскресные дни балаганы...
Чего еще нужно для черни!..

3.

Базар. Суматоха. В толпе не пройдешь...
Люди бранятся, кричат, спуют,
Часами за каждый торгуются грош,
И тут же, коль надо, себя продают.

4.

Вдруг толпа в сторону хлынула—
Баба в черном платке сатиновом,
Вопит над гробом осиновым:
«На кого же ты нас покинула»...
Кляча, едва волоча плешивые ноги,
Тянет к покойнице черные дроги...
На гробе с веночком сидит сирота...
Ничие, клячча о медном гробе,
Гнусавет помин свой усопшей душе
И смотрят, притворно молясь у креста,
К чему это сторож закрыл ворота.

5.

И так дни и ночи,
Судьбы не минуя,
Тянет гроба на конях и в ручную
Люд рабочий,
Привык он к горю сплошному,
Как будто к чужому.

6.

Псаломщик устал славословить,
Артели могильщиков, плотников,
И разных иных работников,
Спеша, выбиваясь из силы.

Едва поспевают готовить
Кресты, гробы, могилы...

Наборщик, отравленный пылью свинцовой,
Извозчик, задавленный кладью, которую вез,
Табличница—жертва чахотки суровой,
Втянутый смазчик в зацепы колес,
Кровельщик, с крыши упавший высокой,
Портниха, хлебнувшая яду,—
И все, кто расстался с жизнью жестокой.
За каторжный труд получили награду.

8.

В швейной рыдает одна мастерица,
Шепчет про ужас мучительной были:
«Убили, убили...
Не дали даже проститься»...
И швей, склонившись к шитью,
Невольно грустят по иному жатью.

9.

На грудах булыг и гранита
Ветрами не стерта, дождями не смыта,
Убитых трудящихся кровь.
Но вновь и вновь
В тюрьмы, на каторгу, в ссылку, в Сибирь
Лучших людей провожают заставы.
Зори, огнем осветившие ширь,
Гаснут в предчувствии страшном расправы.

10.

Юноши в ссылку идут,
Слышится скорбное пенье,—
Словно в далеком селеньи
Вечную память поют.

Жители скорбных застав
Слушают, смотрят печально,
Как за стеною вокзальной
Поезд ушел, застучав.

Храм у ворот запертых
Людом покрыты ступени.
Пала толпа на колени,
Господа просят о них.

Баба стоит у окна,
Плачет, глаза утирая.
Плачет родная страна,
Плачет от края до края.
Скучно любимой невесте,

Верит, надеется, ждет.
Милый уже не придет—
Бьется в бессильном протесте.

Юноши на смерть спешат,
Будут по ним похороны
Их передсмертные стоны
Стаи волков заглушат.

В каждой трущобе
Царь-Капитал приговил владения Злобе,

Всюду посеял страданье и зло.
В сердце ж рабочих жило
Новое слово.

12.

В хмеле ли гуляла рабочая братья,
В заводе ль трудилась в слезах и поту,
Терпела она свою жизнь, как распятие,
Терпела во имя терпенья,
Лелея святую мечту
На скорый приход Воскресения.

ПЕТРОГРАД НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ.

МИТИНГ.

ПЕТРОГРАД В ОКТЯБРЕ.

Буржуазия у банна — стремится получить свои выгоды.

13.
 Но что же —
 Каждый день одно и то же,
 Одно и то же.
 Одно лишь право —
 Тяжелый труд
 Одна забава — кабак и блуд.

14.
 Проходили рабочие люди гурьбой,
 О восстании думая втайне.

ПЕТРОГРАД В ОКТЯБРЕ.

Требование пропусков патрулями.

Кто-то крикнул вдруг весело,
 крикнул крайние:
 «По пытку себе куйте, го-
 товьтесь к бою».

15.

И, словно предчувствуя бури
 начало,
 В заводе глухом зазвучало
 Под тяжкие вздохи и стоны,
 Под грохот машин и гудки:
 «Сами набьем мы патроны,
 Сами отточим штыки».

16.

Кто это роздал листки у завода,
 Кто это речь произнес на
 собрании,
 Призыв на митинг наклеил у
 входа
 И флаг ярко-красный повесил
 на здание

Кто это строит союзы и клубы,
 Словно заткнул исполницкие трубы,
 Когда было нужно народу?
 Кто? Это Оно,
 Несущее Свет и Свободу.
 Ему победить суждено.
 Борись — не борись с ним, лови, не лови, —
 Его не скуешь и не сгубишь в крови.

17.

Сосны, шуршч,
 Лохматymi лапами скрыли
 Тех, кто, тудясь, задыхались
 от чада и пыли.
 И собрались сюда, жадно
 дыша,
 Сбросили фартуки, смыли
 сажу, —
 Пришли сговориться о страш-
 ной борьбе,
 Стыдно себя отдавать на про-
 дажу,
 Надо добиться свободы себе.
 Гыхо. Почти не слышать раз-
 говора
 Лохматые сосны столетнего
 бора
 Слыша их шопот и зная
 решение,
 Шуршат, шелестят, обсуждают
 Его, как старшины, и ждут,
 ожидают
 Битву, котсрая вспыхнет
 скоро.

18.

ПЕТРОГРАД В ОКТЯБРЕ

Первое мая.
 Гранул какой-то гудок
 тут же умолк.
 умерла жизнь трудовая.
 на улицах всех и углах,
 вдали, стоят фараоны,
 словно грачи и вороны
 на взрытых сохой полях.
 на площадь отрезан путь,
 порвавшихся гонят назад.
 не надо. Заводы мчат,
 в этом вся суть.

19.

Гранул
 все загудело вокруг.
 двинулись люди, как лавы,
 бегут навстречу жандармов отряд,
 выстрелы слева и справа.
 разорвали пули, как град
 в черные здания заставы.
 Тупешный гранул снаряд,
 рабочий стреляет.
 бегут и стреляют, идут напролом,
 пулею пуля жужжит.

Революционный флот.

— Товарищ, скажи мне, куда мы идем.
 Товарищ не слышит—убит...
 И снова рвущий несется снаряд

НА ОТДЫХЕ.

Матросы.

— ДА ЗДРАВСТВУЮТ ВОЖДИ МИРОВОГО ПРОЛЕТАРИАТА —

Ленин и Троцкий

Рвется под тучю черного чада
И в вихре душном свистят
Груды осколков и стелется облака, ада.

20.

Вот раненый. Кровью окрасилась грудь.
Поязку достал — и хочет пиджак расстегнуть.
Н — сил, нехватает.
Он умирает,
В предсмертной тоске
Кровавую тряпку сжимая в руке.

21.

А пушки и пули не знают пощады —
Ни люди, ни здания для них не преграды.
Громя колокольни и башни вокзала,
С асая богатство и власть Ка итала,
Бей беспощадно. Пусть в несколько дней
Будет не город, а груды вачней.
Лес превратится в горелые пни.
Поле — в могилы и ямы сдны.
Все это только лишь жалкая часть
Того, что дает защищенная власть.

22.

Схватил винтовку на бегу,
Бежит к смертельному врагу,
А мысль одна горит в мозгу:
«Что делать мне — бежать, убить,
И самому убитым быть.
Редь там не враг — такой же брат.
Врагом обманутый солдат
Глядит — лежит лишь трупов ряд.
Испред бежать или на ад
Упал. Стреляет наугад.

23.

Возврата нет, рабочий люд.
Иль победишь, или убоют.

24.

Братья солдаты! Довольно стрельбы —
Головы ваши в тумане.
Изве все мы не такие ж крестьяне?
Вы не такие ж рабы?

25.

Крикнул солдат вдруг: «Нас обманули».
В битву толкнули крестьян на крестьян,
Нас послали под пули,
Думали — сполчится в пушечном гуле
Наше единство рабочих всех стран.
Вдумайся в прав у, товарищ.
В этом хаосе могил и пожарищ
Кто получил б: рыли —
Торгаши, торгоши.

26.

Рабочий, крестьянин, солдат
Целуют друг друга с горячей любовью.
Союз их спаялся пролитого кровью
На горах разбитых в бою баррикад.

27.

Братья! Идет революция
В крапы лучах коммунизма,
Р бурях ир-ных восстаний
Искрыт проблески радостной жизни
Нового светлого стр. я.

Сменит он царство Царя-Капитала,
 Злобу, насилие, бесправье,
 Труд станет жизнью, владыкой,
 Все, кто измучились в бе ности,
 Все, кто страдал под ярмом.
 Жизнь принимал, как распятие,
 Ваше пришло Воскресенье
 Вскоре не будет разбейничьих вопи,
 Не будет упорной б рьбы
 За каждую корку насущного хлеба.
 Но все это само собой не придет
 Есе это взять надо в тяжком бою,
 В долгой и страшной гражданской войне.

Шумно в городе. Шумно и тревожно
 Есюду крепко заперты ворота
 Шумно в городе. Шумно и тревожно
 На звонницах ставят пулеметы,
 Где та девушка, что сейчас мелькнула,
 Села фабрика девушку-виденье,
 В диком хаосе уличного гула
 Гибнут радости и зреет озлобленье,
 Зданья тянутся цепью многозвенной,
 Все, кто шел, вдруг спрятались пугливы
 Вот из фабрики, огненной геенны
 Дюди вылились лавою бурливой,

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕТРОГРАД.

Невский проспект в июле 1917 г.

Всколыхнулись красные знамена,
С нервной песней двинулись к собору,
Императора прогнали с трона,
Соглашателей прогонем скоро,
Красным заревом небо накалено,
Пламя гложет тюрьмы и конторы.
Выходите, выходите, люди,
Из подвалов, из гниющих хижин,
Все, кто беден, кто судьбой обижен,
Ваша доля здесь решаться буде

29.

С грозным ревом бурей мчатся
Ряд моторов. В них матросы
С красным флагом,
Пуль жужжанье
Их не сдержит,
Пулеметы
Зря дохочут.
Залп раздался,
Все умолкло.

30.
В автомобиле
Кто-то стоит озаренный пламенем
Кричит рабочи, махая знаменем:
— «Мы победили!».

31.

На площади к толпам ликующих масс
Вышел Совет Комиссаров с приветом
Власть отдана пролетарским советам,
В битве разгромлен давивший нас класс.
Но будь осторожен, рабочий народ,
Враг еще жив и еще нападет.
Борись с ним и к новым победам иди.
Да здравствует Ленин, да здравствует Троцкий,
Великие воюные наши вожди!

32.

Школы, музеи, дворцы, эрмитажи
Народу—для знания, для новой культуры.
Во всех ресторанах—столовые детям,—

КРАСНАЯ МОСКВА.

Председатель В. Ц. И. Н. тов. М. Наликин ()

Пусть милые крошки не знают про муки
голодных.
Рабочий народ отдает им последние крохи
Право быть матерью—больше не мука.
Заводы—уже не гнездо угнетенья,
А светлый очаг для Труда и Искусства,

Земля трудовая тому отдалась, кто, трудясь,
Полил ее потом и кровью.
Пришло Воскресенье.
О, сколько бы крови еще ни пролилось,
Победа Труда неизбежна—
Это его Воскресенье.

Михаил Царев.

ПРОШЕДШИЙ ГОД

Минувший 3 год Советской власти не принес полного освобождения Советской России от нападений белогвардейщины. Наоборот, к концу года смертельные судороги врагов усилились.

На западе лшновельможные пань, гордые своими удачами после Варшавы, повели наступление на нашу Западную и Юго-Западную границы. Они еще не избавились от того страха, который нагнал на них призрак Советской Польской Республики. С тем большей мстительностью им хотелось в морях крови утопить Советскую власть; возраставшая опасность большевизма удестеряла их воинственность...

На Юге недобитая нами армия Деникина снова воскресла под управлением барона Врангеля; как и всегда, целебным лекарством являются деньги англо-французских банкиров, которые руками русских белогвардейцев стремятся закабалить русский народ международному капиталу.

Но вопреки ожиданиям врагов, Советская власть крепнет; буря и непогода как бы закаляют ее в борьбе против встречающихся на пути препятствий. Точно такой же процесс происходит и с нашей Красной Армией.

Она началась с небольших добровольческих частей и в процессе борьбы выросла за три года в огромную боевую силу, способную решать крупные боевые задачи.

В минувшем году перед Красной Армией встала наиболее трудная задача: это—померяться с армией, организованной, снабжаемой и управляемой французским и английским штабами,—с польской армией.

Задача решена блестяще, польская армия была бита Красной Армией. После польская армия поправилась, била и нашу, но эта сторона дела говорит только о том, что никакая армия не застрахована от частных поражений и промахов; факт остается фактом, что в основном сражении, где происходил экзамен двух армий, польская оказалась бита.

Пройденный путь подтверждает, что качество нашей Красной Армии за минувший год достигло той степени развития, что она уже вступает в дальнейший путь с теми данными, которые нужны для победы армии Революции в борьбе с европейской организованной армией капитала.

Борьба еще не кончилась; капиталисты, очевидно, не успокоятся до тех пор, пока не будет непосредственно нанесен им прямой удар.

Капиталисты будут готовиться, они в этом направлении усиленно работают; своей провокацией заставляя создавать все более и более могучую Красную Армию.

Прошедший год в истории развития и улучшения Красной Армии займет свое почетное место.

М. Калашников

ВО ИМЯ СВЕТЛОГО БУДУЩЕГО

Москву светлomu другу, первому пропагандисту и великому вождю посвящали эти строки о пережитом.

У нас одна трудовая задача: Все в мире — трудящимся. Трудом добывается — нам же на радость. К этому сводится вся наша революция. Мы взяли власть, и она была нам необходима, но не для того, чтобы властвовать над другими, а чтобы никто не властвовал над нами, трудящимися. Мы взяли землю не для того, чтобы владеть имуществом, а чтобы освободить я от необходимости быть рабочим скотом для помещика. Когда мы взяли заводы и фабрики, мы сделали это, чтобы освободиться от паразитов, живущих только нашими силами.

В великие тяжелые дни уже третьей годовщины, пока мы не кончили нашу борьбу, нам рано еще говорить подробно о нашей основной трудовой задаче. Но нам также рано забывать тот трудовой режим, от которого мы отошли. Он должен сохраняться в нашей памяти для того, чтобы мы на красном фронте ясно сознавали, во имя чего мы отдаем свою жизнь. — Нам рано забывать и своих мучителей.

Это было еще очень недавно. Ранней весной из имения выезжал сытый помещик и его сытый приказчик. Помещик, после страшной поры петербургских балов, катил отдохнуть за границу. Дела было много. В Монако шла азартная игра, в Ницце — карнавалы. Летом было так мило в Висбадене и на других водах; там было так мягко и удобно спать и набирать сил и жиру. Осенью в Париже его ждали самые изысканные и утонченные кабачки на Монмартре и самые пикантные в мире проститутки больших бульваров. Он превращал их в шикарных дам, нанимал им отели, покупал рысаков и бриллианты, одевал и подувевал в изысканные недельные извращенные одежды, опьяняя этим блестящим слабым головам женщин всего мира,

стремящихся подражать парижским модам. Русский барин-помещик умел пожить, и паразитам других стран тянуться за ним было трудно. Его имение порой по величине равнялось целому европейскому государству, и доход превышал самые жадные аппетиты каких угодно акул.

Помещик недавнего времени по существу ничем не отличался от своего предка, старого крепостника. Он только стал хуже, извращеннее, гаже. Тот просто играл в карты, пил водку, а наша сестра была для него Акулькой, Ганкой, Машкой, обязанной отдавать ему, пьяному и старому, свои юные ласки.

Его потомок утончился, извратился, сделался эстетом. То, чем пользовался его дед, досталось теперь его приказчику, который нашим потом и кровью добывал для помещика груды золота.

Приказчик ехал в ближайший большой город нанимать рабочих для полевых работ на срок от Благовещения до Покрова.

Сейчас наше недавнее прошлое для тех, кто его не пережил, уже не похоже на правду. Мы лежали серой массой, гудко в каких-нибудь ярмарочных пустых бараках, куда купцы привозили товары, которых мы никогда не покупали, а большею частью за городом, где-нибудь в поле на плавнях, под открытым небом. Наши ноги были в крови от сотен верст, которые мы проходили пешком из родной деревни в хлебобродные губернии, хотя билеты по железным дорогам продавались всякому, и стояли они по несколько рублей. Холод заставлял нас лежать тесной массой, прижавшись друг к другу, голод заставлял нас мало двигаться, и мы лежали даже днем. Великорусский аину и малорусская свита, смешиваясь, накрывали нас, не

Отдых. Тов. Троцкий (*) среди красноармейцев.

разбирал грань Великодержавии и Украинны. Покрытые нашей рваной одеждой, мы представляли собой серую массу и по цвету, и по тусклым голым мыслям, и по темной несознательности. Мы лежали так днями, часто неделями, и ждали приказчиков, приезжавших нас нанимать.

Потом начиналась работа. Мы добывали золотую пшеницу, но ели затхлую, проросшую рожь с ячменем. Вокруг нас жили выкормленные нами стада убойного скота, но ели его другие, а мы ели изо дня в день пшениный кандер—не пшеничную кашу—это была горячая вода, в которой пшено плавало. Каждый день кандер. Мы спали всегда не раздеваясь также в повалку, как на ярмарочной площади, но уже либо в вонючем кухонном помещении, либо там, где нас заставлял конец работы. Тот же приказчик с помощниками будили нас в 4 утра, а кончали мы работу в 9 вечера. К Покрову ждала нас жалкая плата рублей в 40—50, которой не всегда хватало на уплату податей. Эта плата была нашей мечтой. Это было то, к чему мы стремились, но эта мечта осуществлялась только изредка. Нам нельзя забывать, как часто уже через 2 недели нас начинали так

слабо кормить и так сильно истязать, что мы вынуждены были бросить работу.

Товарищи работники и работницы, вся наша деревенская беднота не должна забывать наши забастовки. Мы, сельскохозяйственники, бросали работу и лежали абсолютно голодные без всяких требований, смутно сознавая их бесплодность. Так падает лошадь, ничего не требуя, не согласная встать даже под ударом кнута.

В это время приказчик набирал уже на ярмарочной площади другого окрестного города новых рабочих, и мы уходили, не получив за наш труд ничего, так как мы не отбыли срока. Эти большие хозяйства засевали сотни тысяч пудов. Они назывались экономиями, но это была экономия расхода помещика на нас, рабочих. Мы иногда переходили за лето из экономии в экономию несколько раз, но всюду попадали в такое же ярмо, и нередко эта дармовая работа—та же каторга—продолжалась все лето, а потом мы шли в глубокую осень в свою родную деревню и там, окруженные порой попечением дам-патронесс, умирали с голоду в стране хлеба которым питалась вся Европа.

У нас теперь только одна трудовая задача: разбить на фронте наших врагов, уничтожить помещика, уничтожить его приказчика. Или—вни, или—мы...

Те немногие из нас, кому удавалось устроиться на фабрике, жили лучше.

Будем откровенны. При старом хозяине, когда мы были на работе, он кормил нас лучше, чем пока кормит освободившаяся крестьянская Русь, но много ли и подолгу ли мы работали? Мы стояли кучей перед воротами фабрики и ожидали выхода мастера, опять голодные среди булочных и колбасных, друг другу чужие, даже враждебные. Когда мастер выходил, мы окружали его, перебивали друг друга, униженно просили нас на работу. Он изредка брал одного-другого, делая это как милость, и тот счастливый, кому хозяин через мастера "давал хлеб", начинал свою работу в сознании, что там у ворот стоят голодные люди, которые немедленно могут его сменить на каких угодно условиях. А мы, менее счастливые или менее способные проситься на работу, шли дальше к воротам других фабрик, ходили неделями, месяцами. Иногда опускались до босачества, редко опять поднимаясь до уровня пролетария. Пусть товарищи вспоминают нашу непосильную работу, урочную и сверхурочную, пусть они вспомнят и нашу жестокую борьбу. Наши забастовки на фабрике были совсем другими. Сюда давно уже проник тот неугасимый свет, который сейчас готов ярко осветить весь мир. Нами руководили отдавшие жизнь рабочему классу вожди, нас вдохновлял будущий социалистический строй. Мы забывали, как нам было трудно получить работу. Наша борьба была для нас священной. Она не была успешной, пока не вылилась в октябрьскую революцию. Наши забастовки кончались гибелью лучших; их ждала тюрьма, пытки, каторга. Большие забастовки всегда были неудачны. Хозяева иногда временно сдавались, но всегда с тем, чтобы потом еще сильнее на нас надавить.

На фабрике мы начинали забастовку всегда активно. Мы призывали несознательных товарищей к сознательной борьбе. Мы требовали увеличения заработка на 10 к. в день, но что могли нам, голодным и оборванным, дать эти копейки? Время забастовки было для нас радостным священным временем приближения к социализму, к господству рабочих. В эти дни мы чувствовали, что господином является не капитал, а труд. Когда мы переставали бросать в печку уголь, котлы

становились холодными трупами; машины были недвижны и разлагались.

Чувство подема и силы продолжалось недолго. Оно оставляло нас, как только мы так или иначе вынуждены были оставить фабричный двор, куда хозяйские наемники, городские дарского правительства, проникать не смели. Отряды шашбузук, зверей фараонов стояли на улице. Нас ловили, топтали копытами, рубили с плеча. В участках били так, чтобы отбить печень, повредить здоровье навсегда, опять топтали уже сапогами. Неделями мы оставались в душливо-зловонных камерах. На полу в слизистой грязи вместе с нами жили все виды животного царства, начиная с крыс и кончая клопными кучами. Мы жили без солнечного луча, но с синием в душе, непонятным нашим палачам и мучителям.

Дальше было легче. Были голодовки и одиночное заключение, били и там, но тюрьма была нашим свободным пролетарским университетом. Мы там научились понимать, что крестьянин наш брат, что он тоже мученик и что нашу борьбу нужно сделать рабоче-крестьянской. Там мы становились закаленными врагами не только непосредственно угнетавшего нас самодержавия, но и капиталиста, у которого оно находилось в услужении и который умел быть далеким, невидимым, незнакомым, непонятным рабочему. Иногда ему удавалось даже привлекать рабочих построенной ли больницей или бирожским домом, или даже собственной оппозиционностью.

У нас и сейчас нет ясного звания того, как жесток был прежний хозяин фабрики. Мы слишком мало его видели. Он сидел в конторе, в другом месте, даже в другом городе. Он не умел жить, как барин-помещик и не так бросался в глаза, грубый, с грубыми вкусами, жадный, мелочный и трусливый вампир кровопийца. Часто его как будто совсем не существовало, а были акционерные компании, безличные и невидные.

У нас одна трудовая задача: необходимо бить капиталиста, мертвой хваткой взявшего нас за горло в стремлении все восстановить и все вернуть. Если бы помещику и фабриканту удалось нас раздавить мощью мирового капитала и восстановить свое право собственности, не трудно представить себе, каким бы был этот помещик, с каким сознанием своей правоты он заменил бы нами отсутствующий теперь рабочий скот. Наши необозримые поля делком бы запахивались на наших же-

дах, а транспортные заводы были бы опять отодвинуты, даже забыты, рабочая сила стала бы опять дешевой. Наша работа на фабрике стала бы такой, по сравнению с которой это недавнее время мы вспоминали бы, как расцвет нашей жизни. Хозяин, который и раньше не очень много тратил на оборудование, заменяя его дешевой рабочей силой, надолго совсем перестал бы это делать, чтобы на всякий случай не рисковать. Он бы ко ачивал бы те доходы, какие получили бы от потери на революцию. Он бы жимал бы наши соки уже как хищник, которому нужно сразу выпить всю кровь.

У нас одна только трудная задача. Во имя того светлого будущего, которое сейчас в наших руках, во имя уничтожения всякой возможности возвращения всего нами пережитого за годы рабства, нам нужно все силы и всю душу отдать борьбе с душителями, которые слишком много потеряли, чтобы успокоиться, и которые не дадут нам жить, пока

будут живы. Мы, пережившие счастливое время белых булок в желудке наших врагов, знаем, что возврата к прошлому для нас нет. За Колчаком должны последовать все наши враги, вплоть до Врангеля.

Буржуазия понимает, что ей не за чем и нечем жить, если она не победит, что ее житье на наш счет навсегда кончено, но в случае поражения ей ничто не угрожает, если она перейдет в ряды трудящихся. Ворота в царства труда широко открыты каждому.

Рабочему и крестьянину на красном фронте невозможно остаться жить не победив. Победивший он будет зверски раздавлен и уничтожен, и нам нужно это знать для того, чтобы нам было ясно, что сейчас все наши трудовые задачи сводятся к одной—бить врага до полного его уничтожения

А. Мазуровский

КРАСНАЯ МОСКВА.

Коммунистический отряд особого назначения.

ВОСПОМИНАНИЯ И БЕСЕДЫ О ВЕЛИКОМ ОКТЯБРЕ

Историческое заседание.

(Открытие 2-го съезда Советов 25 октября 1917 года).

Непосредственно после так называемого демократического совещания и предпарламента Коммунистическая партия устами всех своих ораторов совершенно определенно заявила, что не станет долго терпеть правительства Керенского, к тому времени начавшего сложную, темную интригу о переезде Петрограда немецким войскам и об эвакуации заводов и ценностей из Красной столицы. Мы определенно заявляли, что в 20-х числах октября представим решительный ультиматум Керенскому, и в

то же время вели энергичнейшую агитацию среди рабочих в казармах.

Когда мы вплотную подошли к последнему сроку, в партийных кругах выяснились некоторые разногласия. Часть товарищей и придерживалась того мнения, что мы все-таки еще не готовы и что движение приходится отсрочить. В данном случае в полной мере можно было сказать, что революция являлась организованной. От партии зависело дать приказ—привести в движение приготовленный аппарат

или нет. Всекие колебания прекратились немедленно, когда для нас ясно стало, что Бернский сам готовит контр-у. ар и спешно проводятся меры, очевидно, хлопившиеся в последнем счете к аресту Революционного Комитета, к тому времени уже сложившегося. К ночи 25 положение определилось, так полная гражданская война в Петрограде.

Эта гражданская война с самого начала приняла благоприятный характер для революции. Сопротивление оказалось слабым, в конце концов только Зим-

ПЕТРОГРАД В ОКТЯБРЕ.

Баррикады на Офицерской улице.

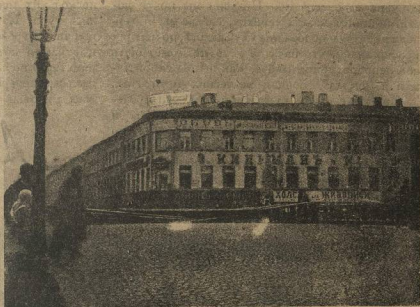
ПЕТРОГРАД В ОКТЯБРЕ.

ний дворец держался довольно долго, и к моменту, когда открыт был Съезд советов, издавших уже к тому времени революционные указы, в Смольном, г. Троцкий мог сказать, что петроградские рабочие и солдатские организации в состоянии так сказать бить челом Съезду Советов всем огромным городом.

Заседание было чрезвычайно драматическое и чревато всякими эффектами. Каждую минуту в зал являлись лица, непосредственно передававшие о разных событиях: то Городская дума заявляла, что ее члены идут по направлению к Зимнему дворцу, чтобы защитить осажденное там Правительство, рискуя де собственными головами ради этого гуманного акта, то являлись представители Гатчины и Царского села, заявляя о своем полном присоединении к революции и о том, что они скорей сложат головы, чем пропустят верные Керенскому войска к Петрограду, то меньшевики поднимали вопрос об «Авроре», которая якобы направила свои пушки на Исаакиевский собор и начала уже громить Зимний дворец. Все это поддерживало нервы в величайшем возбуждении. Революционные вихри кружились над ярко освещенной электричеством залой, где рабочие, крестьяне и солдаты совещались о дальнейших шагах величайшего в мире переворота.

Наконец поздно ночью пришло известие о полной сдаче Зимнего дворца и об аресте всего правительства. Это известие было встречено громким — «ура». Однако меньшевики старались влить в радость революционеров возможно больше яду. Кучин, явившийся в то время руководителем официальных армейских организаций, перечесял сплошь все армии, включая сюда и особую, которую, по его мнению, немедленно двинутся на Петроград для того, чтобы сокрушить «непопулярную и преждевременную революцию». Ему, однако, никто не верил, все знали, что меньшевистские солдаты — организации сделались пустой формой — что на смену им растут большевистские.

На доляное предложение со стороны огромного большинства коммунистической партии по отношению к другим партиям сотрудничать вместе в деле создания Советской власти по-

Баррикады на Говоховой улице.

следовало резкое заявление меньшевиков и эсеров, что они порывают самым энергичным образом с «авантюрой». На это г. Троцкий отвечал им, что этим самым заявлением они осуждают себя на то, чтобы быть сброшенными в мусорную яму истории. С иронией меньшевики утверждали тогда, что пройдет всего несколько недель, как от большевистской революции не останется и следа.

Где-то в этот момент кто-то был прав в этих предсказаниях. Левые эсеры в то время колебались, они колебались еще долго после, но являющиеся крестьянские представители ясно и сразу склонились в сторону октябрьской революции.

Только к утру кончилось заседание Совета, и все разошлись возбужденные и готовые к борьбе. Вставали еще не вполне выяснившиеся проблемы: сможет ли Петроград защищаться от первого напора войск Керенского, бежавшего из столицы и грозившего итти на нее с 40-тысячной армией и большой артиллерией, как отнесутся к перевороту фронты, поддержана ли будет революция Москвой и другими большими городами, что сделают крестьянство.

Первые декреты: о провозглашении мира и мирном предложении военному противнику, о передаче всей земли крестьянам, о провозглашении Советской Республики были приняты с большим энтузиазмом. И таким образом революционная партия и провозгласивший свою власть Съезд Советов входили в новую фазу истории. Эта фаза, фаза борьбы за укрепление

революция в России и расширение ее на весь мир, фаза пролетарской диктатуры далеко еще не закончена и до сего дня. Недавно мы почти достигли апогея наших успехов, сейчас мы потерпели неудачу и положение ухудшилось, но мы твердо знаем, что начатое дело не может быть доведено до конца иначе, как ценою самой тяжелой борьбы, полной всяческих перипетий.

Маркс не даром предсказал нам, что пролетарские революции пойдут через победы и поражения, через отступления и заманки, но пойдут победоносно до установления царства труда на земле. Трехлетний опыт дал нам много силы, много проницательности, много уверенности

и ни одно сердце не может дрогнуть от того, что в тот час, когда я пишу эти строки, в нескольких местах нашего неба снова накопились тучи. Нам приходится уже бывать и не под такой грозой и мы знаем, что здание, первые камни которого были заложены в достопамятную ночь, продолжает строиться и возвышаться, превратившись в центральный пункт всех мировых событий нашей эпохи.

А. Луначарский

КРАСНЫЙ ПИТЕР.

Раненые во время наступления Юденича.

Повесть октябрьских дней.

(Из воспоминаний тов. Антонова Овсеевко).

Великое октябрьское восстание пролетариата не произошло неожиданно и самопроизвольно. Ему предшествовала большая политическая, организационная и военная подготовительная работа. Эта подготовка была проведена с такой выдержкой, умением и мудростью, что опыт ее достоин особого изучения и может послужить образцом и основанием для всех подневольных еще пролетариев.

Как протекала эта подготовительная работа, я подробно рассказывал в другой статье. Сейчас я хочу только кратко напомнить, чтоб уяснить дальнейшее изложение, главные моменты этой работы.

По всей стране из конца в конец бурлила красным потоком наша бурная агитация. Империалистическая война и ее усердные глашатаи — временное правительство, меньшевики и кадеты, эсеры и буржуи, генералы и офицеры — стали ненавистны всему трудовому народу. В рабочих и солдатских Советах Депутатов большинство переходило к нам, большевикам.

Петерский Совет был всецело в наших руках, и его председателем был избран членский вожь Красной армии — тов. Троцкий. Был созван съезд представителей Советов всей Петроградской губернии, — и он оказался на нашей стороне. Потом мы закрепили свое

влияние на еще более широкой территории. Мы создали большой областной съезд, на который явились представители северного участка фронта, всех северных и отчасти северо-западных губерний, а также Финляндии. И это широкое областное объединение опять-таки оказалось наше.

Хотя большого делового опыта у нас в те времена еще не было, но мы не занимались одним лишь митингованием, как это казалось многим политически слепым людям буржуазного класса. Мы пользовались северным объединением для практических революционных нужд, поддерживали связь с отдельными Совдепами, давали им поручения и разные задания и, если не формально, то уже на деле управляли рабочими, солдатами и крестьянами в громадном крае (больше любого европейского государства) при помощи Советов. Кроме того, мы вели большую работу в городской и районных думах, в фабрично-заводских комитетах, участвовали в демократическом совещании и в выборах в

Учредительное Собрание. Мы не упустили на одной позиции, но особенное внимание обращали на северное Советское объединение. Подготавливая восстание в Питере, мы себе обеспечили надежный глубокий тыл, который должен был всеми силами нам помогать, а контрреволюцию душить, и ее войска задерживать. Наш тыл был вместе с тем и нашим резервом.

Одновременно с этим мы завоевали расположение к нам почти сплошь всего петроградского гарнизона. Не все были готовы жертвовать жизнью и вместе с нами активно драться за мир и за власть Советов, но почти все сочувствовали нам и ненавидели правительство Керенского.

Соглашательское правительство боролось с нашим влиянием и посылало в разные воинские части своих приказчиков-комиссаров, но мы устраивали в полках митинги, и самые даже темные солдаты видели, что на нашей стороне правда, а на стороне меньшевистских и с.р.-овских комиссаров—предательство. Пра-

КРАСНАЯ МОСКВА.

Первомайский праздник.

вительственные комиссары изгонялись, и их место заняли наши.

Дальше — больше. Комиссары Керенского были изгнаны из Петропавловской крепости, где хранилось свыше ста тысяч винтовок, из Сестрорецкого оружейного завода и из арсеналов.

Тем временем рабочие на заводах организовывали Красную Гвардию. Красногвардейцев обучали военному делу наиболее сознательные солдаты старой армии, которые назывались инструкторами.

Нашими комиссарами и инструкторами управляла большевистская военная организация, которая впоследствии вошла в Военно-Революционный Комитет, руководивший всем октябрьским восстанием.

Наша победа в Петропавловской крепости (изгнание правительственного комиссара и назначение своего) побудила Керенского действовать решительней. Его Правительство видело, что мы завладели главной крепостью и оружием и возьмем министров Керенского живьем.

Правительством могло опираться на юнкерские училища, многие из которых были расположены вне Петрограда (Гатчинское, Ораниенбаумское), затем на Михайловское и Константиновское артиллерийские училища, на Петроградское военное училище, Павловское инженерное и женский ударный батальон. При этом надо заметить, что даже внутри юнкерских училищ мы имели своих сторонников. В отдельных училищах, также, как и в воинских частях, мы имели свои военные большевистские организации.

Автомоброновой дивизион, на который правительство сильно рассчитывало, в самый последний момент поколебался. Часть его перешла на нашу сторону, часть отказалась от борьбы на чей бы то ни было стороне и устранилась.

Опорой правительства могли еще явиться казаки, в числе которых целая кубанская дивизия была расположена в Финляндии, а три полка — 1, 4 и 14 — в Петрограде. Кубанцы колебались до последней минуты, и мы их обезопасили тем, что окружили кольцом вполне надежных для нас гарнизонов и вступили с ними в связь, договариваясь о возвращении их на Кубань. Видя, что гесь питерский гарнизон против правительства Керенского, они в самый решительный момент отказались поддерживать его и заявили, что не могут идти один.

Таким образом, среди десятков тысяч солдат петроградского гарнизона, которые были активно или пассивно враждебны Временному

Правительству, было рассеяно лишь несколько тысяч верных ему бойцов.

Правительство попыталось сосредоточить все эти силы в Питере. Юнкерам был отдан приказ стягиваться в Зимнему дворцу. Тут нам и помог наш тыл. При содействии Петроградского объединения всех рабочих и солдатских Советов Депутатов обширного района, благодаря заранее принятым мерам, движение юнкеров к Петрограду было задержано. Кое-где угрозами, кое-где угрозами их удалось удержать. Лишь немногие из них прорвались в столицу.

Что касается находившихся в самом Петрограде юнкеров, то Павловское и Петроградское военные училища, опасаясь Гренадерского полка и хвостического огнеметного батальона, около которых они были расположены, боялись выступить и сидели у себя на дому.

Наибольшую активность проявила часть юнкеров Николаевского инженерного и Михайловского училищ, а также батальон ударный.

Какими же силами располагали мы?

Из Петроградского гарнизона большинство частей не сочувствовало правительству, однако на открытую борьбу с ним не реласло. Активно вместе с нами могли выступить Павловский полк, Литовский, 1 Запасной, часть Финляндского полка и часть бронедивизиона.

Из гарнизонов, прилегающих к Петрограду, целиком на нашей стороне были 176 полк, в Красном Селе и 1 пулеметный полк.

В Петропавловской крепости небольшое количество крепостных артиллеристов было настроено недружелюбно к нам, но подавлялось остальной массой гарнизона; зато прибывшие с фронта самокатчики были определено с нами.

Я не упоминал здесь о Красной Гвардии, но совершенно очевидно, что это был наш главный оплот.

Тем не менее, всех этих наличных в Петрограде сил было бы недостаточно для удержания столицы в наших руках, подавления юнкеров и для оказания сопротивления частям, которые могли быть и были действительно двинуты против нас с фронта. Тут сказались роль внешних гарнизонов. Кронштадтцы могли явиться и явились активной силой переворота — они нам дали несколько тысяч верных бойцов. Затем значительное содействие нам оказали гарнизоны Финляндии, особенно Выборга и Гельсингфорса, и прежде всего, конечно, балтийские моряки. Северный фронт не реласло снять с позиций значительных частей и начал присылку их нам лишь впоследствии, по ликвидации Краснова.

К моменту выступления Временное Правительство совершенно потеряло голову и, в отчаянии бессилия, стало применять репрессии. Оно закрыло обе наши газеты, объявило Военно-Революционный Комитет подлежащим аресту и преданию суду, всех наших комиссаров — устраненными и привлеченными к ответственности.

Вместе с тем Керенский делал уже попытки двинуть к Петрограду с фронта разные ударные части из Киева, в том числе юнкерские училища, 3 финляндскую стрелковую дивизию казачьи дивизии.

Благодаря противодействию верных нам частей западного фронта, продвижение намеченных Керенским частей было, однако, замед-

КРАСНАЯ МОСКВА.

Коммунистический отряд особого назначения.

лено, и они не поспели к предполагаемому моменту выступления большевиков.

В двадцатых числах октября, за несколько дней до переворота, положение совершенно выяснилось в смысле неизбежности вооруженного столкновения. Еще до этого в Смольном перестало пахнуть меньшевиками. Меньшевицкие организации во главе с соглашательским ВЦИКом перебрались в Марининский дворец под «высокую» руку Совета Республики, — во дворец, где до них заседали старые темноройдалные царские сановники из Государственного Совета. Меньшевики и правые эсеры явились достойными их восприимчивыми. В Смольный они забегали лишь изредка, присылали к нам разных уговаривающих, которые, сами пугаясь своих угроз, пытались убедить нас в необходимости примирения.

Так образовалось два штаба: один — революционный — в Смольном; другой — контр-революционный — в Марининском.

Если самый исход борьбы представлялся нам несомненным, в смысле нашей победы, то громадные трудности создавшегося положения были слишком очевидны, чтобы с ними не считаться. И в большевицкой военной организации, и в партии от низов ее до самых верхов шли споры относительно необходимости и своевременности вооруженного выступления.

Из практических вопросов особенно озабочивал вопрос о продовольствовании Петрограда: Люди же, делавшие политику в партии, как т. т. Каменев, Зиновьев, ставили, главным образом, вопрос о поддержке нашего движения за границей.

Тов. Зиновьев заявлял мне:

— Я буду с вами, за немедленное вооруженное восстание, если вы мне докажете, что мы сумеем удержать власть более двух недель и что в ближайшем будущем наше выступление будет поддержано за границей.

Но для большинства практиков и для неоспоримого вождя движения — Владимира Ильича — дело было ясно.

Развитие событий уперлось в вооруженное восстание, и партия рабочего класса не могла не пойти на это восстание, тем более, что в большинстве важнейших центров Республики власть на деле принадлежала уже Советам.

План восстания Военно-Революционный Комитет поручил разработать тройке — мне, т. Лашевичу и т. Подвойскому. Фактически был принят мой план. Он сводился к тому, чтобы части гарнизона, неспособные к решительным активным действиям, производили опешение Зимнего дворца со стороны Фон-

танки, где пресекали бы все улицы, ведущие к Зимнему.

Активную роль должны играть кронштадтские матросы. Высадившись из транспортов у Конно-Гвардейского зумбара они должны были атаковать Зимний, поддерживаемые миноносцами, которые должны были войти и действительно вошли и развернулись в Неве у Николаевского моста. Затем действуют Павловский полк со стороны Троицкого моста и Красная Гвардия. В центре — Петропавловка со своей крепостной артиллерией. Мосты занимает Красная Гвардия.

Одновременно, под руководством т. Подвойского и других членов Военно-Революционного Комитета происходит занятие вокзалов, — прежде всего Финляндского и установление связи с Финляндией, занимаются все важнейшие правительственные учреждения и общественные здания, устанавливаются свои караулы в банках.

25 октября ранним утром начались действия.

С самого начала вышла заминка. Отдельные части запоздали с выступлением, и это нарушило стройность операции. В тот же день должен был открыться съезд Советов, но из-за промедления в операции его пришлось всечаски оттягивать.

Запоздали матросы. Дашкевич, который должен был развернуть гвардейские части, также выступил позднее назначенного срока и не успел своевременно разгромить частей. Это значительно затормозило развитие операции.

Затем произошла дело неподготовленности Петропавловской крепости. Петропавловка должна была дать сигнал к началу наступления, но, благодаря саботажу крепостных артиллеристов, сигнальных выстрелов не дала и вообще долго не открывала огня.

Из крепости много от имени ВРК был послан Временному Правительству ультиматум к 7 час. вечера о сдаче, но крепость не смогла открыть стрельбы ранее наступления полной темноты. Крепостные артиллеристы ссылались на то, что снаряды якобы не подходят к орудиям, не казался панорам для взвода орудий и проч. Этот форменный саботаж обнаружился в последнюю минуту. Поздно вечером пришлось вызвать матросов из артиллерийского полигона, — и тогда дело сразу налажилось.

Зимний осаждался в высшей степени беспорядочно. Защита также велась беспорядочно. Но за нами стояли массы; здесь же была полная пустота.

Впечатление полной оторванности правительства и его немногочисленных защитников

было так сильно у самого же правительства, что серьезного сопротивления организовать оно не смогло, и без особых жертв толпе удалось ворвать ся в Зимний, после того, как один за другим верные Керенскому отряды сдавались и складывали оружие.

Мы вместе с тов. Чудновским, который был комиссаром Преображенского и Павловского полков, вошли в Зимний во главе толпы самого разнообразного содержания. Было несколько матросов, много красногвардейцев и разных солдат.

Юнкера сдавались и разоружались в самом дворце. В одном из больших зал мы и еще несколько вооруженных юнкеров и метущегося Пальчинского, который на наш воцел, где члены Временного Правительства, ответили:

— Мы только что сообщили с «вашими» и пришли к соглашению. Сюда идет делегация с Ц. окоповичем. Вы, господа, не в курсе дела...

Это заявление в первый момент несколько смутило тов. Чудновского.

В поисках правительства мы прошли еще несколько больших зал. В одном из них мы наши шеренгу как бы окаменевших юнкеров, державших оружие и из отовую. Мы вошли в зал вдвоем с тов. Чудновским. Толпа стояла сзади, воплилась. Ее оружие эту группу юнкеров стояло о больших усилий. Вновь появившийся Пальчинский и вторично пытался что-то бормотать, но был схвачен Чудновским и объявлен арестованным. Затем толпа смешалась с юнкерами и перорвалась в убежище Временного Правительства, в небольшую комнату, где все временные министры, кроме сбежавшего еще утром Керенского, метвенно сидели вокруг стола. Заброшенность, одиночество и оторванность этих жатких людей от масс, от страны, от революции, от самой жизни так и ко чувствовалась, что рождала ощущение физической п. стоты вокруг них.

Члены Временного Правительства были объявлены много арестованными. Но тогда шумит, гудит, требует немедленной кровавой расправы. Стоило немалых усилий удержать толпу от самосуда.

Несмотря на темноту, на ропот и невольность толпы, министров удалось провести в Петропавловку педехонькими и водворить их там на жительство. Не обошлось дело и без курьезов. На Троицком мосту по нас открыл стрельбу автомобиль. Публика наша бросилась на землю. Министры тоже повалились рядышком. Наш конвой открыл стрельбу по автомобилю. В ответ на это — с другой стороны моста открыли огонь по нашему конвою. Пришлось под выстрелами бежать к противоположной стороне моста и разъяснить недоразумение.

В Петропавловке министры пришли в себя после пережитых волнений и даже повеселели. Всех хуже держал себя Гвоздев, который трудился страшно. А Терещенко не переставал трещать, «усовещивал» конвой и агитировал его в пользу кабинета министров, севшего в кабинет тюремного заключения.

Стороной держались Малиянович и Никитин. Малиянович укоризненно напоминал мне о старой встрече в 1907 г. после моего побега из Севастопольской тюрьмы. Он представлял себя моим спасителем, но позабыл малость, как трусливо отказал мне в убежище и советовал скрываться в саду «Эрмитаж» в обществе веселых девиц, что было мне совсем не весело.

Ч не стал, конечно, напоминать арестованному министру — «социалисту» этих подробностей.

Так закончился великий исторический день 25 октября.

Всему же нашему октябрьскому делу заключение еще не написано.писать его еще рано.

КРАСНАЯ АРМИЯ — МЫ В РУКАХ БЕРДАТАРВАТА

Подготовка переворота.

(Беседа с тов. Ант. Новым-Овсеено).

В беседе с нашим сотрудником главнокомандующий октябрьских дней тов. Антонов-Овсеено представил в новом освещении обстановку октябрьской революции и попутно сообщил много новых характерных подробностей великого исторического события.

Красная Гвардия.

— Идея создания Красной Гвардии,—говорит тов. Антонов,—не принадлежала исключительно 1917 году. Так же, как и Советы Рабочих Депутатов, как и другие революционные институты и методы, она выросла из революции 1905 года. Уже тогда мы имели зачатки фабрично-заводских боевых дружин, которые ставили своей задачей борьбу с шпионажем, охрану митингов и отчасти поддерживали связь с военной организацией большевиков, существовавшей, как известно, еще в 1905, 6 и 7 годах. Наша партия уже тогда была проникнута боевым активным духом.

Но особенного развития пролетарская Красная Гвардия достигла, начиная с апреля 1917 г. На нее сильно коснулся Временное Правительство. Церетелли прямо называл вооружение рабочих контр-революционным делом и грозил разоружить рабочие предместья. И действительно, в июльские дни на некоторых заводах такое разоружение отчасти проводилось. Однако в августовские корниловские дни меньшевистским верхам и шло даже содействовать вооружению рабочих. Правда, мера эта была проведена ими с обычной соглашательской половинчатостью, с оговорочками и с трусливым оглядываньем назад. Одним словом «поспелку—поспелку». Обещали они выдать до 70 тысяч винтовок, выдали около 12 тысяч.

Эти дни и были днями особенного подъема красногвардейской волны.

Здесь надо отметить одно обстоятельство, которому обычно в воспоминаниях не уделяют достаточно внимания. Рабочая Красная Гвардия была тесно связана с лучшими элементами солдат. К отдельным красногвардейским дружинам прикомандировывались солдаты инструктора, обучавшие рабочих ежедневно в течение двух часов. Инструктора находились на содержании заводов, так же, как и дружины. Здесь получалось взаимодействие обеих активных сил революции. Формировались новые во-

оруженные силы вместо старых. Старое разлагалось, но и разлагаясь, содействовало развитию нового.

Борьба за влияние в армии.

С другой стороны, в борьбе за армию, как за орудие господства, мы использовали институт комиссаров, который был выдвинут еще в февральскую революцию и при содействии которого соглашательское правительство пыталось держать армию на фронтах в узде.

Борьба за влияние в армии была, конечно, напряженная.

Еще с первых дней революции Милюков и Гучков старались овладеть армией через офицерский состав. Ими был подготовлен майский съезд офицеров, который проявил империалистические тенденции, всецело присоединиться к программе Милюкова-Дарданельского, требовал восстановления всех дисциплинарных прав офицества. Таковы были стремления крайне правого крыла Временного Правительства.

В противовес им действовали соглашательские элементы правительства, пытавшиеся овладеть армией при содействии комиссарского состава и выдвигавшие из своей среды для фронта на эти посты таких «ветеранов», как Савиных, Филопенко, Станкевич и др. В самом Петрограде они имели своих комиссаров при всех частях гарнизона и при Петроградском Окружном штабе.

Для поддержания дисциплины в армии, подчинения ее своей власти, противодействия и контроля над правыми офицерскими организациями и борьбы с «большевистской заразой», меньшевиками и эсерами на фронте сверх того создавались армейские комитеты.

Наши военные организации на фронте и в тылу были однако достаточно сильны, чтобы парализовать попытки и кадетов и соглашателей.

Почти во всех войсковых частях мы имели свои большевистские военные организации по типу нынешних армейских коммунистических ячеек. Эти организации были кристаллом, вокруг которого активно сплачивались сочувствующие нам солдатские массы. Военные организации вели в массах широкую агитационную работу, боролись с разлагающими влияниями, поддерживали боеспособность и организованность частей. Такие организации мы имели даже в некоторых юнкерских училищах.

На июньском всероссийском совещании военных организаций делегатами были представлены до 50 тысяч солдат и матросов большевиков. Наши военные организации стремились не только парализовать влияние старого офицерства, отстранить от командования реакционных генералов и офицеров, завоевать себе большинство в солдатских советах и армейских комитетах, но и отстоять вместе с тем боеспособность и крепость частей.

Не разложение а расклассование.

Наиболее развитые в политическом отношении солдаты, среди которых было сильно наше влияние, наиболее дисциплинированные и боеспособные стремились по мере сил сохранить боевую годность частей. Так, наиболее боеспособным являлся северный фронт, на котором преобладало влияние большевиков. Матросы Балтийского флота, где опять-таки влияние большевиков было преобладающим уже в мае и июне, были также наиболее боеспособными. Это надо сказать твердо и определенно в противовес обычным рассказам, будто мы разлагали империалистическую армию. Да, мы ее разлагали, но только в том смысле, что формировали не совсем еще ясное классовое ощущение, которое приносила жизнь рабочего и крестьянина. Не столько агитировали и «разлагали» мы, как те тысячи и десятки тысяч широким строем, которые приходили из деревень, где власть помещиков была еще в силе, а административное правительство прикрывало эту власть, и из городов, где фабричным рабочим не давали возможности осуществлять свой контроль над производством. Мы в сущности не разлагали, а расклассовали армию, и при этом организовали свой слой, в достаточной мере крепкий и боеспособный. Ошибочно думать, будто Красная Армия явилась на этом месте, будто старая армия была в конце разрушена, а на ее месте, как бы из пены морской, явилась Красная Армия. На самом деле Красная Армия выросла из двух корней: 1) из

старой империалистической армии, где путем расклассования отбилось революционное пролетарское ядро, которое послужило основой для всех формируемых революционных отрядов первого периода революции, — до конца немецкого нашествия, т. е. примерно до апреля 1918 года, и 2) из Красной Гвардии, которая получала инструкторский и комиссарский состав отчасти из среды старой империалистической армии и которая была целиком уже основана на пролетарском элементе.

В обоих случаях определяла движение революционная воля, диктовавшая весь ход развития создания вооруженных сил пролетарского государства.

Впоследствии на юге и в частности на Украине одним из решающих факторов создания вооруженных сил явилось повстанчество.

КРАСНАЯ МОСКВА.

Первомайский праздник.

Борьба за влияние в Советах.

Борьба за влияние в армии в Петрограде, на северном фронте и в Финляндии получила огромное значение в связи с борьбой за влияние в Советах, и успехи, одержанные в этой войне, фактически предreshили успехи октябрьского восстания. Попутно с борьбой за влияние в армии шла борьба за овладение Советами.

В Финляндии после июльских дней вслед за кратковременной реакцией наступил резкий перелом особенно в связи с корниловским наступлением. На областном финляндском съезде Советов большевиками была одержана решительная победа. Вместе с левыми эсерами наша партия взяла финляндский областной комитет целиком в свои руки, не допустив туда ни одного меньшевика и ни одного правого эсера. За вычетом свеаборгских артиллеристов и матросов нескольких мелких судов и миноносцев, которые были настроены соглашательски, все остальные гарнизоны и флот, особенно моряки крупных судов—были наши. Именно отсюда из Финляндии, а также от ревельского совдепа исходила мысль о созыве большого северно-областного съезда для создания вокруг Питера твердого ядра советов, опирающихся на революционный гарнизон. Эта советская броня должна была противостоять всяким возможным контр-революционным попыткам. Такой съезд действительно состоялся в начале сентября.

Съезду этому предшествовало объединение советов Петроградской губернии, в которое вошел и Кронштадт. Это сразу создало единый центр почти целиком большевистский, а отчасти максималистский (Кронштадт).

Широкий областной северный съезд, о котором я упоминал, состоялся незадолго до образования Военно-Революционного Комитета, в конце августа и в начале сентября выделил Северный Областной Комитет, который заседал в Смольном. Задачей комитета являлось оберегать все подступы к Петрограду путем создания теснейшего взаимодействия между всеми прилегающими к Питеру совдепами. На съезд были приглашены и явились представители даже от более отдаленных районов, от Архангельской, Новгородской, Псковской и других губерний. Здесь же были делегаты от Ревели, Валк и всего северного фронта. Это громадное объединение имело выдающееся значение. Сейчас же была установлена взаимная информация и поддержка. Начали формироваться и подготавливаться боевые части, напр., в Старой Руссе—кавалерия. Овладев влиянием в Советах и создав великое северное объединение, мы в то же вре-

мя не давали возможности соглашателям укрепиться ни на одной из позиций. Мы или на демократическое совещание, участвовали в выборах в Городскую думу, завоевали отдельные районные думы в Петрограде, и там, где имели большинство, не отказывались от практической работы в области продовольствия, как, например, в Нарвской районной думе. Мы проводили и осуществляли рабочий контроль на фабриках и заводах, и фабрично-заводские комитеты почти всех важнейших предприятий были в наших руках.

Мы вели широкую предвыборную агитацию вокруг выборов в Учредительное Собрание, фактически участвуя в этих выборах.

Мы не упустили ни одной возможности, сближавшей нас на практике с массой, и помогали ей в изживании всяческих иллюзий на практике ее борьбы.

Так нами подготавливался остов для будущей пролетарской государственности.

Что касается северного фронта, то здесь мы имели к октябрю сильные латышские части, возглавляемые исполнительным комитетом латышей.

Как раз перед октябрьской революцией я ездил в Венден и Валки и был на конференции представителей от разных латышских частей. Там ставился вопрос о том содействии, которое может северный фронт и в частности его латышские части оказать революционному Петрограду в случае восстания. На конференцию я посыл после совещания у Ленина, когда было решено, что необходимо ближе ознакомиться с состоянием частей и возможностью их технического-военного использования.

На конференции было установлено, что латышские части имеют исключительное влияние на весь северный фронт, как наиболее боевые части этого фронта, что они держат под своим влиянием сибирские корпуса, и что ненадежные части северного фронта ни в коем случае не осмелятся двинуться против революционного Петрогра.

Вместе с тем, однако, латыши заявили, что при теперешнем состоянии фронта они для Петрограда многих частей снять не смогут из опасения оголить иначе фронт перед немцами и впоследствии действительно прислали только один полк. Латышские части считали, что их задача заключается в том, чтобы прикрыть подступы к Петрограду, и гарантировали, что смогут воспрепятствовать продвижению к Питеру со стороны других фронтов.

Замечу кстати, что в этом факте мы имеем новое доказательство того, что для сознатель-

ных большевистских армейских частей задача революции заключалась совсем не в том, чтобы воткнуть штык в з.м.п. Сознательная же возможность ведения революционной войны с внешним неприятелем.

Вот другой пример, еще более показательный. На конференции военных организаций была вынесена резолюция, выражавшая ту мысль, что в случае завоевания власти перед революционными классами может встать задача защиты завоеванной власти от внешнего натиска, который может содействовать внутренней контр-революции. Такая же точка зрения преобладала и у моряков Балтийского флота, когда они приняли на своем втором съезде воззвание к немецким матросам. Воззвание это, составленное мною, кое-кто из меньшевиков находил чуть ли не оборонческим. Революция в России, которая приведет к победе пролетариата, — говорилось в воззвании, — неизбежна. Мы знаем, что своей грудью должны прикрывать революционную столицу, но не дадим возможности контр-революционным войскам содействовать внутреннему врагу.

Борьба за комиссарский аппарат.

Одним из важных организационных способов в борьбе за влияние в армии было завладение комиссарским аппаратом, созданным соглашательским правительством для своих целей. На смену меньшевистским и эсеровским комиссарам мы во все петроградские воинские части посылали своих комиссаров, объединявшихся и управлявшихся нашей военной организацией. «Смена» меньшевистских комиссаров на большевистских проводилась большей частью так: наши агитаторы являлись на полковые митинги, где выступали наряду с меньшевиками и эсерами; солдатская масса принимала предлагающуюся товарищем резолюцию, согласно которой правительственные комиссары изгонялись вон и заменялись товарищами, делегированными военной организацией. Резолюции эти были таким образом первыми юридическими актами революционного права. Так, Военная организация завоевала петроградский гарнизон через своих комиссаров. Наибольшее значение имело завоевание таких полков, как

Преображенский и Семеновский. Всего сильнее мы были в Финляндском, Литовском и 1-м запасном полках. Однако решающее значение имело завоевание комиссарства в Петропавловке и на Сестрорецком оружейном заводе.

В последний месяц перед переворотом, когда сконструировался Военно-Революционный Комитет, комиссары посылались в воинские части по его назначению.

Военно-Революционный Комитет

Военно-Революционный Комитет возник в ту пору, когда Временное Правительство, стремясь расправиться с революционными ра-

КРАСНАЯ МОСКВА.

Праздник III Интернационаля. Шествие по Никольской ул.

бочими, пыталось ввести в Петроград воjsка с фронта, на словах проявляя чрезвычайную заботливость о защите Питера, и перенести столицу в Москву. На этой почве наша агитация одержала особенный успех.

В связи с обстановкой возникла мысль о создании такого органа, который бы руководил приведением в боеспособность частей гарнизона и в оборонительное состояние Петрограда.

Мысль эта, как и мысль о возрождении в 17-м году Советов Рабочих Депутатов, исходила впервые от меньшевиков. Эта идея, лишь наполовину хорошая, была взята нами и переоплощена в подлинно революционную идею о создании Военно-Рев. Комитета

при Петрогр. Совете. В мотивировке мы указывали, что, не доверяя контр-революционному правительству, петроградский пролетариат создает свой собственный орган—Военно-Революционный Комитет в противовес Окружному Штабу. В Военно-Революционный Комитет вошли самые разнообразные организации, в том числе какой-то союз народной армии. «Вижель» с никогда не присутствовавшими на заседаниях представителями и несколько меньшевиков и левых эсеров, но большинство, к тому же ярко активное, имели, несомненно, мы, так как к этому моменту Петроградский Совет был прочно нами завоеван.

Все-таки в Комитете была помесь. Во главе был поставлен левый эсер, который стыдился своего левого эсертства—Лазмир. Заместителем председателя был тов. Подвойский, секретарем—я и членами Мехоношин и другие.

Левые эсеры постоянно бегали, суетились, к идее подготовки восстания относились отрицательно. Камков, Спиро и др. путались под ногами и мешали работать. Наконец они решили отозвать своих представителей. Лазмир остался вопреки их постановлению.

Сюда же залетной птицей попадали меньшевики—Богданов и другие. Эти не устали гробить огнем геенским и усиленно уговаривали идти на уступки.

Военно-Революционный Комитет повел упорную настойчивую борьбу с штабом Петроградского Военного Округа за власть над гарнизоном. На этой почве возникало много острых конфликтов, в которые вмешивались меньшевики со своими уговорами идти на уступки. Главный конфликт возгорелся из-за вопроса о представителях гарнизона при штабе.

Еще в корниловские дни при штабе округа было образовано особое представительство от гарнизона, которое работало вместе с округом, контролируя его действия и мероприятия по защите от Корнилова. После корниловских дней оно как-то увяло. Мы решили его возродить. Нами было создано гарнизонное собрание и переизбраны представители при штабе. В состав нового представительства вошли тов. Мехоношин, Дашкенич и др. Они должны были выразить волю гарнизонного собрания, которое склонялось к тому, что высшей властью в городе является Военно-Революционный Комитет, которому предоставлялось исключительное право назначения комиссаров и скрепы всех приказов, без чего ни один приказ не действителен. Штаб Петроградского Военного Округа не пожелал признать ни этого представительства, ни его полномочий, ни назна-

чаемых В.-Р. Комитетом комиссаров, ни самого Комитета. В противовес этому представительству меньшинство эсеровский Ц. И. К. выдвинул своего комиссара при округе. Этот субъект по соглашению с штабом иттемпелевал его приказы.

Борьба за оружие

Помимо этого основного столкновения с Окружным Штабом, мы имели с ним еще целый ряд острых конфликтов, сосредоточившихся главным образом вокруг Петроградской крепости, в арсеналах которой находилось до ста тысяч винтовок. С другой стороны, крепость имела большое стратегическое значение и была главным опорным пунктом для Керенского.

Вопрос о крепости обсуждался на историческом заседании В.-Р. Комитета 23 октября. Это был поворотный пункт во всем ходе событий. Мы были поставлены перед определенным ультиматумом коменданта Петропавловской крепости по отношению к нашему комиссару Тер-Арутюнянцу, которого он на основании постановления меньшевистского Ц. И. К. отказывался признать. Для того, чтобы усилить Петропавловский гарнизон, правительство ввело туда батальон самокатчиков с фронта.

На памятном заседании В.-Р. Комитета по этому поводу большинством голосов было отвергнуто мое предложение—действовать энергично и ввести в Петропавловку верный нам батальон Павловского полка для несения караульной службы. Была принята точка зрения тов. Троцкого, оказавшаяся более правильной,—был созван общегарнизонный митинг, куда направились тов. Троцкий и Лашевич, чтобы завоевать крепость изнутри. Это и было достигнуто. Мы сразу овладели громадным арсеналом.

Это был решающий момент. С этого момента начинает стихийно развиваться Красная Гвардия, особенно на Выборгской стороне. Оружие потекло туда и в предместья Питера широкой волной.

Надо сказать, что еще до этого, благодаря завоеванию комиссарства на Сестрорецком оружейном заводе, в Артиллерийском складе и в Арсенале, нам удалось контролировать выдачу оружия из этих учреждений, помешать вооружению юнкерских училищ и отправке оружия на Дон, к Каледину.

Основные линии борьбы.

Всю подготовку октябрьской революции можно формулировать следующими словами. С одной стороны, у нас шла органическая подготовка по созданию своей вооруженной силы—

Красной Гвардии,—строительство вполне планомерное. С другой стороны, шло завоевание части старой армии путем овладения комиссарским аппаратом и упрочения нашей, большевистской военной организации. Оба эти процесса скрещивались при обучении рабочих инструкторами из среды солдат старой армии. Рядом с этой работой идет борьба за овладение Советами в Петрограде, в Петроградской губернии, в Финляндии и по всей периферии, охватывающей радиусом несколько сот верст. Сперва Финляндское областное и Петроградское губернское объединения, а затем широкое

областное Северное объединение закрепляют наши завоевания. Военно-Революционный Комитет выкристаллизовался, как результат революционного процесса во всем охвате и увеличил борьбу победой пролетариата в великие октябрьские дни.

Открывшийся же 26 октября Всероссийский съезд Советов скрепил и узаконил исторический революционный акт волеизъявлением трудящихся всей страны.

25 октября мы завоевали власть Советам, а 26 Советы в лице своего Всероссийского объединения эту власть приняли.

КРАСНАЯ МОСКВА.

Рабочая молодежь.

В ОКТЯБРЕ

... 1917 ...

Г О Д А

Уже несколько суток шел непрерывный бой на улицах Москвы. Взятие белыми Кремля и пленение в нем батальона 56 полка вместе с нашим коммунистом тов. Берзиным внесло заминку в ход борьбы и скребило многих из нас по сердцу. Рудневцы задрали носы и радовались первой своей победе над нами.

К нам в Революционный Комитет пришел, чернее прибежал, молоденький прапор 193 полка. Он был бледен, взволнован и заикаясь сообщил, что в Кремль ворвались белые и «все поггло». Мы ободрили его, заявив, что борьба только начинается, и Кремль будет наш. Кремль, конечно, играл большую роль, ибо, во-первых, внутри его находился арсенал, где хранились сотни тысяч винтовок, пулеметы; Кремль со своими высокими и толстыми стенами играл роль крепости. Ну, что же—война—так война, нет такой крепости, которая выдерживает осаду и штурм, а наличие в наших руках всей Ходынки с артиллерийской бригадой, осадной мастерской с исправленными тяжелыми орудиями и с несколькими тысячами в ней солдат-большевиков во главе с т. Демидовым обеспечивали возможность осады и победы. Правда, в тот момент мы еще не приняли решения применить оружейный огонь. Во всяком случае резервы наши были велики. Чувствительнее была потеря, хотя бы на время, винтовок, необходимых для вооружения рабочих. Бой разгорался сильнее и сильнее. Ночью и днем сплошная пулеметная и ружейная трескотня. Революционный Комитет решил применить пехоты поднялось, артиллерия делала свое сокрушительное дело. Мы не спали уже несколько суток. Беспрерывная борьба, сутюдока, толкотня, недостаточное питание утомляли и нас и солдат. Нервы притупились, и в часы молчания артиллерии становилось скучно и серо. Прорвавшись почти к самому Совету, белогвардейцы-броневики встряхнули, оживили нас, особенно когда наша батарея открыла

беглый огонь, заставив белых ооратгться быстро вспять.

Но этим борьба не закончила в. Белые настойчиво наседали. Центр Москвы, аристократическая и буржуазная части города в большей части находились в их руках. Население этих кварталов сочувствовало, конечно, не нам, а нашим врагам. Зато все районы окраины были нашими, особенно казармы, где стояли полки, несмотря на меньшевистский состав полковых комитетов. В этом отношении нас всегда удивляла поразительная слепота социал-предателей, они закрывали глаза на увеличивающийся с каждым днем среди солдатских масс яд большевизма». Они пожалы, что посеяли. Природа их вскрылась в великие октябрьские дни. Их союз с золотопогонниками послужил и началом развала среди них. Этот процесс не закончился еще и женщине. Наиболее умелые и чуткие поняли всю ложность положения в несоответствии высокого звания социалиста с фактическим служением капитализму. Другие (большинство) с тупой обывательской психологией смирились и погрязли в повседневных заботах растительной жизни. Они уже потеряли веру в старых богов, а новых не приобрели. Третья категория—небольшая свора ценных псов, рычащих, злостных, хихикающих при всякой нашей неудаче, ошибке. Жизнь идет мимо них, а жизнь красочная, громадная, всеобъемлющая. Здоровое, честное, прямое кладет новый фундамент по кирпичу, кует прочные болты и стягивает, скрепляет гайкой.

Октябрь произвел экзамен. Пролетариат выдержал его. Три октября прожил, борясь, разрушая и творя и создавая. Пролетарий, ты хорошо куешь!

Мелуцкий

Три года существования Красной армии свободных рабочих и крестьян Советской России! Три года самоотверженнейшей, героической борьбы в столь трудных и опасных условиях, каких, пожалуй, не знала ни одна армия в мире! Три года неугасимой исторической славы! Летопись невероятно тяжелых лишений и невероятно смелых деяний Красной армии показывает, что она содвинула в себе высшую военную доблесть с высшей гражданской добродетелью. Это не то ужасное орудие убийства, предназначенное в государстве для подчинения эксплуатируемой и рабски угнетенной бедноты господству денежного мешка, господству капитала. Это грозный меч, охраняющий и защищающий завоеванный хлеб, свободу и человеческие условия жизни раскованных из цепей капитализма рабочих и крестьян. Это грозный меч, гонящий прочь разбойничьи державы, пытающиеся вновь подчинить господству капиталистического грабежа и насилия единственное государство свободных рабочих.

Красная армия с несравненным мужеством и решимостью отразила разбойничьи банды Оденпича, Деякина и Колчака, несмотря на миллионы и даже миллиарды, на которые не скупились антантовские капиталисты, лишь бы поддержать этих царских слугак, должностовавших отдавать Советскую Россию на растерзание капиталистическим коршунам. Красная армия справится и со всеми другими кровожадными разбойничьими бандами белогвардейской помещичьей и капиталистической России, если бы даже присоединилось к ним в качестве союзника все бесовское отродье капиталистического ада со всех концов мира. Красная армия своей упорной, беззаветно отважной борьбой защитит священную землю единственной страны свободных рабочих и крестьян, и победой своею она пробьет брешь в стене отгораживающей дорогу к свободе и строительству Советской власти, трудящимся и эксплуатируемым всего мира. Честь и слава Красной армии, нерушимая клятва братской верности от трудящихся и эксплуатируемых всего мира! Красная армия—застрельщик мировой революции, одна лишь она стелет путь к миру во всем мире.

Клара Цеткин (Клара Цеткин).

Красная Армия.

1.

Могучая, стойкая, властная,
Кипуче-мятежная, страстная,
Рабочего царства оплот,
Да здравствует армия красная!
Да здравствует красный народ!

2.

Все выше и выше восходит звезда
Рабочего царства—кочмыны труда,
И звезды иные, несчетность огней,
Дрожат и мигают и меркнут пред ней.
И скоро навеки погаснут они,
Разрушенных каплиц лампадь—огни.
И вольное небо осветит тогда
Одна, пятигранная, солнце-звезда.

3.

Все ярче красная звезда
Горит на нашем горизонте,
Все крепче армия труда
Вьет вражья полчища на фронте

Час долгожданный настает,
Враг чует: смерть неотвратима;
Вперед, товарищи, вперед
Стремительно неувержимо!

4.

Землю, за волю, за лучшую долю,
Рабочим—заводы, крестьянам—поля,
С боя обездолить врагам не позволю,
Нас много, мы трудимся—наша земля!

5.

Мы в небесах зажгли маяк
Кроваво-пламенного цвета,
Чтоб вся вселенная сквозь мрак
Сыскала путь к шатрам Совета.

6.

Вперед, орленок молодой,
За свет и счастье лучшей жизни—
Проклятый враг грозит бедой
Коммунистической отчизне!

7.
Звезда республики свободной,
Что красит русский небосклон,
Звездою будет путеводной
Для всех народов и племен.

8.
Вперед, народ труда,
Сметай врагов твердими—
Воюй, чтоб никогда
Не воевать отныне!

9.
За что дерусь?
Дерусь за Русь,
Советский край свободный;
За молот-серп,
Державный герб
Республики народной!

10.
Краснозвездник удалой,
Пламенный и смелый,
Стой гранитною скалою
Против банды селой!

11.
Дети, в битву за отдами,
В батальоны синих блуз!
Усилий их мощь бойцами,
Вольной юности союз.

12.
Землю, добытую с бою—
Напряженною борьбою
Не отдам
Господам!
Волю, наше упование,
Красных дней завоевание,
Не отдам!
Господам!
Головы не пожалею,
А не дам покончить с нею!

13.
Мало отбить
Вражью силу,
Надо добить,
Сроспять в могилу!

14.
Рисковую жизнь за свободу,
За свет и радость лучших дней,
Земля господская—народу,
Хлеб—всем, кто трудится на ней!
Со всех сторон идет помощь,
Растет и крешет рать борьбам;
Капиталистов ждут гробы—
Час красной бури у порога!

15.
Крестьянин и слугник
Везде и повсюду—
И друг, и союзник
Российскому люду!

16.
Нужно биться,
Чтоб добиться
Сокрушения оков:
Ворог канет—
Солнце встанет
В красном царстве бедняков!

17.
Слабый молится,
На господа уповает,
Сильный борется,
Сам себе добывает!

18.
Вперед, защитники труда!
Еще напор, еще усилье—
И рухнет подлое насилье,
Чтоб не воскреснуть никогда.

19.
Еще каких-нибудь погода,
А там... а там—наш край воскрес:
Навек исчезнет непогода
С коммунистических небес!

20.
Страдали три года
От тяжелых потерь;
Ужели невзгода
Нас сломит теперь.
Когда мы повсюду
Противника бьем
И вольному люду
Победы несем?

21.
Стой стеной за край родной
Край труда и воли—
Никогда
Господа
Не вернут неволи!

22.
Пока мы дышим и живем,
Не может враг быть покойным:
Мы мировые цепи рвем
И души жжем дыханьем знойным;
Повсюду угнетенных класс—
За нас, товарищи, за нас!
Война недолго будет длиться—
Врагам трудней с днем каждым биться.
С днем каждым массе все ясней:
Прикончат нас—покончат с ней.

Еще напор
И кончен спор:
Врага добьешь—
Домой пойдешь!

23.

Чтоб поскорее царство млы
Сменилось царством света—
Вступайте в партию, орлы
Республики совета!
Чем больше в партии у нас
Рабочего народа—
Тем ближе долгожданный час
Великого восхода!

24.

Чтоб и ртня была—
Гранитная скала:
Все шквалы отразила,
Всех врагов сразила—
Иди в ее ряды,
Неси ее труды!

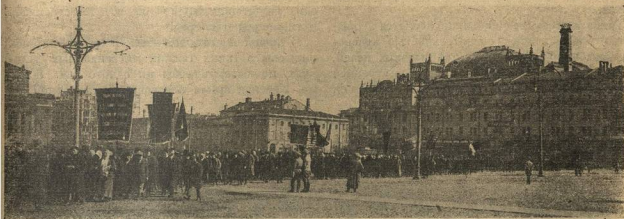
25.

Да здравствует красный гигант,
Товарищ курсант!
Да здравствует гордый утес,
Товарищ матрос!
Почет и бессмертие вам,
Коммуны бестрепетным львам.

26.

Вас. Мнязев.

Красная Москва.

Парад в честь III Интернационала.

Исполняется три года, как в России существует Советская власть—власть рабочих и трудящихся крестьян. Три года! Враги наши каркали, что мы не продержимся и месяца. Но—они просчитались.

Лишь та революция является великой, которая способна сама защитить себя, которая из недр своих порождает вооруженную силу, способную защитить революцию.

Наша революция—великая революция. Оттого она и вызвала к жизни великую Красную армию, защитившую революцию от всех врагов и супостатов.

Три года! А борьба все еще не кончена. Товарищ красноармеец! Если в минуту усталости и слабости ты поймашь себя на мысли—„а стоит ли умирать за дело революции“, товарищ, подумай: сколько лучших наших людей полегло за эти три года в борьбе против буржуазии! Подумай!..

Красноармейская звезда сияет всему миру. Скоро будет полная наша победа. Коммунистический Интернационал победит.

Т. Зинковский

КАДРОВИЧ КРАСНОАРМЕЕЦ

Наш кадровый красноармеец—это совершенно *новый тип воина*,—воина, который никогда не теряет надежды в конечную победу.

Красноармеец не чужд *исторической перспективой*. Он живет не только злобами сегодняшнего дня, но все события еще рассматривает с точки зрения будущего. В будущем же ему неизменно представляется торжество трудящихся.

Такое восприятие событий объясняется необычайно повысившейся сознательностью красноармейца, твердым знанием тех высоких целей, во имя которых он идет на смерть, внутренней духовной целостностью и неиссякаемой верой.

— Сегодня, — говорит красноармеец, — нас победили враги, но завтра мы обязательно будем бить их!

Эта непреклонная уверенность красной нитью проходит сквозь все думы и настроения красноармейца.

Скажу больше—в мире нет солдата, который был бы способен на такой *героизм и самоотвержение*, как наш красноармеец. Подчас бошой, раздетый, голый—он все же стремится идти вперед и вперед.

В любой капиталистической стране армия, находясь в таких тяжелых материальных условиях, не выдержала бы ни одного дня. Наша же Красная армия оказывается способной не

ПОЛЬСКИЙ ФРОНТ.

Поляки-пленные.

только все это выдержать, но итти от одной победы к другой.

Это опять-таки является лучшим доказательством того, что перед нами — совершенно новый, небывалый в истории тип война, который воспринимает грандиозную борьбу, как свое собственное, родное ему дело.

В нашем красноармейце нельзя не заметить огромного *роста личности*. Это не просто солдат, который честно и добросовестно выполняет приказ. Нет, он сам заражен *духом наступления* и часто *заражает этим духом само командование*.

Крик «Дашь Варшаву!» не сходил с уст нашего красноармейца даже тогда, когда ряды его необычайно редели, и в полках насчитывалось иногда по несколько десятков человек.

Вот почему нам удается так *быстро оправдаться* от самых тяжких поражений. Поэтому думать, что польской шляхте удалось разгромить нашу армию — значит совершенно не понимать, с каким солдатом мы теперь имеем дело.

При объезде полков мне не раз приходилось видеть, как *старые красноармейцы*, побывавши

на восточном и южном фронтах, сами брали на себя задачу обучения молодых красноармейцев — ружейным приемам, рассыпанию в цепь и т. д.

Молодыми и слабо политически подготовленными красноармейцами не всегда легко и охотно усваивались премудрости военного строя, и нередко среди них приходилось наблюдать ропот и недоумение. Но испытанному кадру старых бойцов довольно быстро удавалось их заражать своим боевым настроением и увлекать в бой.

Наша Красная армия, едва имеющая три года от роду, уже создала свои *крепкие и добрые традиции*. Вот явление, над которым стоит задуматься.

Любопытно еще, что среди наших красноармейцев часто приходится встречать совсем молодых юношей от 15 лет и больше. Эти *юные красноармейцы* — самый ценный материал в военном отношении. Неизменная веселость, живость, задор, горячая, молодая и беззаветная преданность революции, — вот для них самые характерные черты.

ПОЛЬСКИЙ ФРОНТ.

Эти войны всегда первыми идут на разведку и вообще на опасные предприятия, и с горящими от восторга глазами выходят победителями из самых рискованных положений.

Надо видеть, как эти юные солдаты в тесном союзе с закаленными бойцами уступают какому-нибудь неопытного костромского мужичка, едва умеющего держать винтовку.

— Ужо погоди, поляк тебе покажет, как надо стрелять,—звонит задорный голос юного красноармейца.

В нашем красноармейце есть, конечно, и отрицательные черты. Это некоторая небрежность к таким требованиям устава, как сторожевое охранение и проч.

Бой для красноармейца—настоящее серьезное дело, а сторожевое охранение—это так себе—мелочиха, чепуха, баловство. И стоит больших усилий убедить его, что именно из-за небрежного отношения к таким мелочам мы часто терпим поражения.

Есть в нашей армии еще и *тип* настоящих партизан. В Гродно, например, мне пришлось встретиться с тов. А., который прибыл на фронт с 500 кавказцами. Все в пестрых и разнообразных одеяниях, но одинаково горячие и темпераментные. Они рвались на соединение с корпусом тов. Гая. котобый тогда уже был окружен и отрезан.

Как ни убеждал я тов. А. не идти на это предприятие, как явно безнадежное. он настаивал на своем.

— Не думайте,—сами пойдем, а потом можете расстреливать. Мы, кавказцы. не можем не пойти на выручку Гая.

В конце-концов, пришлось уступить.

В последних боях с поляками мы потерпели огромный урон в низшем командном составе. *Младший командный состав* Красной армии дает опять-таки совершенно новый тип командира, насколько не похожего на командира старой армии.

Не говоря уже о том, что в большинстве случаев наш низший командный состав вербуется из числа бывших унтер-офицеров и просто рядовых красноармейцев, по своему социальному положению—рабочих и крестьян, чего, конечно, не могло быть в старой царской армии, руководимой дворянством,—наш красный командир отличен от прежнего офицера и по самым приемам борьбы.

Главное качество нашего командира—личная храбрость и мужество. Основа его авторитета—личным примером.

Быть всегда под огнем, возле красноармейца—так, чтобы слова его команды были слышны всякому и каждому—вот его девиз.

Младший командир, в сущности, *первый красноармеец взвода или роты.*

С точки зрения чисто военной—это, может быть, и недостаток, так как дело ведь не в личной храбрости команды, а. Больше того—в результате таких приемов борьбы мы несем тяжкие потери в командном составе. Но, с другой стороны, это является лучшим показателем, что в нашей Красной армии командир и солдат—есть нечто неразрывно целое, что здесь уж ни в коем случае *не может быть и речи о верхах и низах.*

Нельзя не упомянуть здесь также о поведении коммуниста на фронте.

В обывательских массах почему-то принято думать, что коммунист всегда отсиживается где-нибудь в тылу. Нет ничего вздорнее такого представления.

Если беспримерно стоек и мужествен кадровый красноармеец, то в еще большей мере это относится к коммунистам. Подсчеты показали, что в рядах коммунистов в процентном отношении всегда больше потерь чем в рядах остальных красноармейцев.

Без преувеличения можно сказать, что коммунист в армии является тем *стержнем*, на котором держится все тело нашей армии. Коммунист на фронте—все. Он агитатор и пропагандист, культурный работник и просветитель, учитель и боец. От него первого в бою исходит инициатива настроения, и он первый же ее героически подкрепляет своим мертвым телом.

Красноармеец может жаловаться на голод, холод и все невзгоды походной жизни. Коммунист—никогда! Он должен терпеливо все это переносить на себе и в себе и к тому же безропотному терпению призывать товарищей красноармейцев.

Коммунист на фронте—обреченный человек. Понятие «пленный» для него не существует, ибо его в плен не берут. Отступать, вопреки приказу, он тоже не может, ибо его ждет в этом случае суровая расправа партии.

Всегда быть на своем посту—вот его удел.

И на фронте красноармейцы знают, что такое коммунист.

Где коммунистов больше—там полки крепче, дисциплинированней, сознательней и мужественней. Там в часы отдыха кипит культурно-просветительная работа, в часы боя революционный подъем и беззаветный героизм.

За последнее время мы на фронте в коммунистах понесли тяжкие потери, но, к счастью, эти потери быстро восстанавливаются. На смену выбывшим на фронт идут все новые и свежие партийные силы.

Я живо помню тот день, когда в нашу армию прибыла сразу тысяча питерских рабочих—коммунистов. Этот день в армии был воистину праздничным днем.

Питерцы сразу показали себя. Уже в пути они, с присущим им организаторским талантом сумели организовать ряд субботников по очистке станций, по уборке раненых, восстановлению путей и проч. В пути устроили даже спектакль.

По приезде же на фронт ими немедленно был организован грандиозный митинг, и перед красноармейцами был явлен пример дисциплины, выдержки и преданности делу Республики.

Местная буржуазия с любопытством и страхом выглядывала из окон.

— Питерцы приехали! Питерцы приехали!— радостно разнеслось по всей армии.

Уже неделю спустя шла оживленная работа во всех полках. То питерские коммуны, обогащенные колоссальным организационным опытом, развернули свою работу по всем направлениям—политическом, культурно-просветительном и военном.

Где размещается полк—там немедленно появляется школа грамотности, открываются те-

атр, клуб, избы-читальни, организуются хор, оркестр, иногда—кинематограф и всегда—митинги.

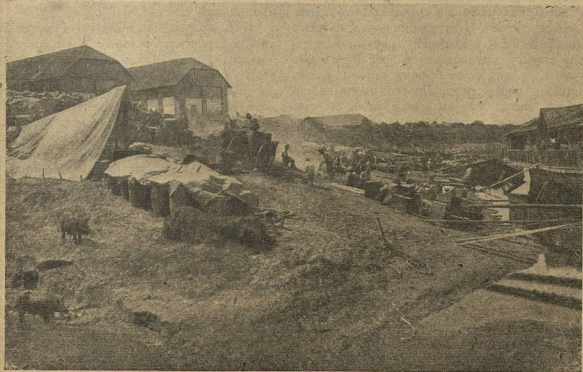
Прифронтовые полосы живут не только отраженным светом Красной армии. Армия ставит своей задачей—вести работу среди самого местного населения и особенно—среди темного крестьянства. И работа эта почти всегда дает свои богатые плоды.

Встречая Красную армию в первые минуты с чувством страха и враждебности, крестьяне быстро сживаются с красноармейцами, делятся с ними чем могут из своих запасов и в свою очередь получают те запасы знания и света, какие были при царизме от них спрятаны и утаены за семью дверями и семью замками.

Наш кадровый красноармеец—*надежда всей трудовой республики*. При самых тяжелых испытаниях нельзя предаваться унынию, пока жив и бодр наш кадровый красноармеец—*наша надежда и гордость*.

Ж. Молчан

ПОЛЬСКИЙ ФРОНТ.

На Западной Двине.

КУЗНИЦА ПОБЕДЫ КУЗНИЦА МОЩИ

Советские командные курсы.

Советская власть родилась со словом «мир» на устах. Среди бурь всемирной войны она высоко подняла знамя братства народов. Но рука мира, протянутая рабочими и крестьянами России, повисла в воздухе: мир был пьян от крови и на предложение мира он ответил диким хохотом. Только победоносные тогда германские хищники согласились вести переговоры о мире с Рабоче-Крестьянской Россией, но германские хищники и слышать не хотели о почетном и справедливом мире: они только хотели использовать русскую революцию, чтобы увеличить свою военную мощь.

Рабочим и крестьянам, взявшим власть в свои руки, стало ясно, что для того, чтобы обеспечить права молота и плуга, необходимо взяться за меч. Об этом им особенно красноречиво говорили немецкие юнкера в Бресте. Немецкие юнкера вполне сознавали, что правда на нашей стороне. Поэтому они боялись вести с нами переговоры с высокой трибуны и предпочли скрытую от людских взоров Брестскую крепость. Они даже боялись опубликования отчетов о переговорах. Но они твердо и неуклонно знали, что сила штыков на их стороне и они нам диктовали свои грабительские условия.

Необходимо было немедленно ковать свою вооруженную силу, чтобы закрепить великую победу Октябрьских дней. Молодой Советской Республике была поставлена крайне трудная задача. Страна была истощена. Старая армия разваливалась. Все темные силы страны организовывались для отпора революции. Но для революции невозможного нет. На развалинах старой разлагавшейся и распадавшейся армии она стала строить свои собственные вооруженные силы. Добровольческие отряды Красной гвардии, состоявшие из сознательных рабочих города и деревни, положили начало Армии революции.

Вооруженные страстным порывом к победе, они блестяще парировали удары многочисленных врагов.

Отрядам добровольцев нужны были свои вожди, свои военные начальники. Старая военная правда, что «за ученого трех неученых дают» давала себя чувствовать с первых дней вооруженной борьбы Новой России. Но ученые воины находились по ту сторону баррикады. Революция имела к своим услугам либо тех, кого она заставляла служить себе силою, либо безразличных офицеров, которые без огня и увлечения тянули свою офицерскую ляжку. Душой и телом преданных военных специалистов революция в первую пору имела только маленькую горсточку. Но Россия, врезавшейся клином в историю веков и в отношения между народами, нужна была миллионная революционная армия, руководимая революционными вождями.

Необходимо было во что бы то ни стало подготовить свой рабоче-крестьянский командный состав.

От самодержавия Советской России достались в наследство старые военные училища, насквозь пропитанные духом военщины. В этих училищах помещичьи и купеческие сынки учились искусству угнетения народных масс. И эти твердые власти капитала и баронов необходимо было с молниеносной быстротой превратить в кузницы победы Рабоче-Крестьянской революции.

Смелый дозуг был брошен. По всем углам Советской России разнесся клич Рабоче-Крестьянского Правительства: «Подготовьте Рабоче-Крестьянской армии рабоче-крестьянских командиров». И началась лихорадочная работа. Старые военные училища были превращены в командные курсы. Рабочие и крестьяне приглашались поступать в эти школы, чтобы овладеть инструментом войны и победы и чтобы подготовиться к руководству армией. Уже в конце 17 года и к началу 18 года новый аппарат революции был налажен и в широко открытые двери командных курсов массами вливались сыны трудового народа.

Аппарат был налажен с поразительной быстротой. Но труднее было наладить нормаль-

Речь тов. Ленина.

ные и продуктивные занятия. Учителями на этих командных курсах были старые офицеры; учениками были полные огня и энтузиазма молодые революционеры.

Курсанты с недоверием смотрели на своих учителей и руководителей. Учителя же, — даже лучшие среди них, — привыкшие долгие годы с презрением смотреть на рабочую чернь, с трудом верили, что из питомцев выйдут способные командиры.

А политические руководители командных курсов должны были, зорко следя за каждым шагом офицеров, усиленно поддерживать их авторитет среди курсантов.

Понадобились исключительные усилия, чтобы в этих новых командных курсах в обстановке революционной ломки установить правильные занятия.

Но революция в это требовала создания рабоче-крестьянского командного состава. И

это требование свято выполнялось. Уже на первых порах своего существования командные курсы показали себя могучим оплотом революции. Они сыграли решающую роль в деле подавления первого предательского нападения на Советскую власть (лево-эсеровского мятежа), чтобы затем докрить себя славой на всех фронтах внутренних и внешних. Черная согня с гневом и злобой прозвала рабоче-крестьянских курсантов «ленинскими юнкерами». И эти новые юнкера показали на деле, что рабочие и крестьяне призваны не только владеть землей, но и править миром.

Рабоче-крестьянская власть придавала исключительное значение командным курсам. Она хорошо помнила урок великой французской революции. Наполеон-Бонапарт оперся на революцию, чтобы создать могучую армию. Но он сумел использовать эту могучую армию, чтобы раздавить и подчинить себе революцию. Рабоче-крестьянская Россия с самого начала своего возникновения хорошо сознавала, что рабоче-крестьянский командный состав является самой лучшей защитой против контр-революционных происков внутри и вне армии. Рабоче-крестьянская Россия также знала, что даже самые лучшие военные специалисты, продающие свои знания и свой опыт, не могут повести армию к победе. К победе ведет только вождь. А вождем рабоче-крестьянской армии, борющейся за идеалы труда, может быть только сын трудового народа.

Поэтому рабоче-крестьянская Россия настойчиво и неуклонно продолжала дело создания командных курсов.

В 1919 году вся Россия уже была покрыта густой сетью новых советских военно-учебных заведений. Эти военно-учебные заведения строились центральным правительством через специальный орган Гувуз (Главное Управление военно-учебных заведений) фронтами, армиями и округами. Незвирая на все трудности гражданской войны, военно-учебное строительство ни на минуту не прерывалось. Есть командные курсы, которым за три года революции пришлось перекочевывать бесчисленное множество раз.

Нынешние полтавские пехотные курсы родились в Москве, чтобы перекочевать затем в Уральск, оттуда в Киев, из Киева в Черкассы, из Черкасс в Петроград и, наконец, очутились в Полтаве. Эти перекочевания отнюдь не были праздничными прогулками.

Курсы обычно участвовали в сражениях при отступлении и при наступлении. Но они все же сохраняли свой военно-учебный аппарат,

памятуя веление революции: дать рабоче-крестьянской армии новый коммунистический командный состав.

Командные курсы были и остаются не только школами, готовящими красных командиров. Они выполняют и другую высоко почетную обязанность. Являясь образцовыми воинскими частями, они возглавляют Красную армию в ее наиболее трудных походах.

Курсантские бригады дважды отстояли Красный Питер от белогвардейцев. При последней вылазке Врангеля из своей Крымской берлоги красные курсанты нанесли первые сокрушительные удары офицерским полчищам—«дроздовцам», которые достались Врангелю в наследство от Деникина. Красные курсанты стали доподлинной угрозой для всех кулаков Украины и России.

Трудно было командным курсам соединить эти две обязанности: быть образцовыми частями, первыми откликающимися на зов революции, и школами, подготавливающими вождей Красной армии. Но революция возложила еще третью обязанность на командные курсы. Старому офицеру вменялось в обязанность держать в рабском подчинении и в слепом невежестве вверенную ему часть. Революция, наоборот, требовала от своих красных командиров, чтобы они были старшими братьями, руководителями и учителями народных масс, которые вступили в бой за светлые идеалы коммунизма. Курсанту, стало-быть, предьявлялись разнообразные и сложные требования. А революция, двигавшаяся вперед семимильными шагами, не могла предоставить курсанту достаточного времени, чтобы он мог с успехом и с честью выполнить возложенные на него задачи.

Вполне понятно, что фронт очень часто критически и холодно относился к молодым красным командирам. В этом холодном отношении бесспорно сказывалось обычное недоверчивое отношение к новичку, которое в данном случае усугублялось недоверием старого офицерства к рабоче-крестьянским военным начальникам. Но свазались, безусловно, и результаты слишком поспешной и слишком краткосрочной подготовки командного состава. Однако, невзирая на все трудности, кои приходилось преодолевать рабоче-крестьянским командирам, многие из них отличались на фронтах не только как смелые и беззаветно преданные делу революции вожди, но и как знающие свое дело военные начальники. «В военном искусстве все в исполнении» и многие молодые краскомы, возглавляя рабоче-крестьянские отряды, наносили смертельные удары

волотопогонным полчищам, возглавляемым старыми и испытанными генералами.

Последний год был годом объединения всего нового военно-учебного опыта. За предшествующие два года великая русская революция одержала огромнейшие победы на всех фронтах. Результат этих побед сказался в большом сдвиге среди тех, кто колебался между революцией и реакцией. Этот сдвиг особенно сказался на фронте и на командных курсах. На фронте общая борьба слила в единую семью наилучших представителей старого офицерства с молодыми красками и красноармейцами.

На командных курсах лучшие командиры и наиболее свежие учителя не устояли против могучего влияния курсантской среды. На курсах создалась более благоприятная обстановка для плодотворной работы. К тому же революционный военный совет Республики обединил все военно-учебное дело в руках Гувуза, увеличив срок обучения для курсантов.

Критические замечания по адресу молодых красных командиров начинают сменяться восторженными отзывами даже со стороны закоренелых в старых привычках офицеров.

Командные курсы показали и доказали, что сыны рабочих и крестьян овладевают инструментом войны не хуже, а может быть и лучше, чем выхоленные сынки банкиров и помещиков. Командные курсы, став кузницей побед Советской власти, оправдали основную мысль октябрьского переворота. Командные курсы доказали, что рабочие и крестьяне действительно умеют править.

Новый дух внесли молодые красные командиры в Красную армию. Они умеют поддерживать железную воинскую дисциплину. Но они поддерживают ее не силой окрика и палочного удара, а силой убеждения и показом. Они уничтожили ту пропасть, какая во всех армиях отделяет солдата от начальника. Они создали новый тип начальника, который пользуется властью, основанной на любви и доверии своих подчиненных. Молодые красные командиры сумели справиться с двойной задачей, возложенной на них: они прекрасно сочетают в себе военного начальника и народного учителя. При этом авторитет начальника помогает им в деле очищения мозгов красноармейцев от пыли и грязи, а учительское слово помогает им руководить солдатами в пору напряженных битв.

Сущность новых командных курсов полностью сказалась в первые месяцы 1920 года, когда казалось, что Советской России дана временная передышка. Вся Россия была охвачена тогда порывом творчества на ниве мирного строительства. Все командные курсы покрылись тогда сетью трудовых артелей. Курсанты, отжившиеся в свое время в первой линии огня, заняли первое место среди кузнецов новой счастливой и мирной трудовой жизни. На всех фронтах борьбы с разрухой красные курсанты были неутомимыми работниками, увлекая за собой рабочую массу, как они в свое время в боях увлекали за собою красноармейские части.

Кузницы победы стали кузницами мощи новой трудовой России.

Каждым ударом молота красные курсанты говорили миру, что они не белоручки, готовые быть профессиональными офицерами. Нет. Они взялись за меч и обучаются военному искусству только для того, чтобы дать народам мир и счастье.

Эта передышка тянулась недолго. Предательское нападение белой Польши оборвало дело мирного строительства. Курсанты с удвоенной энергией взялись за работу, чтобы ковать победу над злостным врагом, сорвавшим дело мира и оборвавшим дело строительства новой жизни. Последние выпуски красных командиров были доподлинными праздниками для Красной армии, мужественно сражавшейся против панских легионов. В новых Краскомах красноармейские части находят своих желанных вождей, прошедших новую школу жизни и борьбы и являющихся для них доподлинными руководителями как в походе, так и в минуту отдыха.

Замкнутый дух касты чужд советским командным курсам. На командных курсах царит дух народного творчества, и курсанты готовят тот светлый момент, когда можно будет все орудия истребления превратить в орудия производства ценностей для всех трудящихся. Этот момент уже не за горами. И когда освобожденный труд сложит свой гимн революционерам, смело вступившим в бой со старым миром, он не забудет командных курсов—этих кузниц побед и мощи революции.

Д. Петровский.

ВЕСНОЙ

Не в первый раз твои поля
Обозреваю я, Россия;
Чернеет взрытая земля,
Дрожат, клонясь, осы тугие
И, тихо листья шевеля,
Берез извилины родные.
Вот косогор, а вот река,
За лесом—вышка колокольни;
Даль беспредельно широка
Простор лугов, что шаг, раздольней;
Плывут неспешно облака
Так высоко над жизнью дальней
Вы неизменны, дали нив,
Где свежий колос нежно зреет.
Сон пашни новой ты красив

Тебя встающий день лелеет!
И с неба радостный призыв
Опять в весеннем ветре веет!
Да, много ты перенесла,
Россия, сумрачной невзгоды,
Пока, алея, не взошла
Заря сознания и свободы.
Но сила творчества—светла
В глубоких тайниках природы.
Нет места для сомнений тут,
Где волны дали, глубь сини,
Где васильки во ржи цветут,
Где запах мяты и полыни,
Где от начала бодрый труд
Был торжествующей святей!

Валерий Брюсов.

НА ГРАНИЦЕ

В германского поезда, уво-
звизшего интернировавших-
ся красных в Кёнигсберг,
выпрыгнул красный коман-
дир М-ко. Выбросился, что-
бы опять вернуться к своим
в Советскую Россию. Десять
верст, несмотря на ушибы,
полученные при падении
в болото, бежал шибко, чтобы не догнали
Потом двадцать верст шагом. Ночью в го-
роде вырыл сырую картошку, наполнил ею
желудок и, шатаясь от усталости, от голода,
прошел до утра еще сорок верст. Это была
решительная борьба духа с плотью. Победило
упорство духа, решительность железной ре-
волюционной натуры

На первой станции купил билет до Эйд-
кунена, но, не доезжая к станции, вышел из
поезда. На границе с Литвой нужно было
предъявить документы, а их у него не было.

Возле пограничной станции на мосту
стоял германский солдат, типичный герман-
ский часовой, монументальный, крепкий, лиш-
него слова не скажет. Тоже проверяет пропу-
ска через мост

Всего несколько саженей осталось бегле-
цу до противоположного литовского берега.

здесь еще была возможность ареста и ухуд-
шения режима из-за бегства, а там—свобода,
полномочный представитель Советской Рос-
сии, который даст возможность переехать к
своим. Препятствием являлся только этот бес-
страстный германский солдат.

М-ко пришел в отчаяние. Силы начали
оставлять его, но в усталом мозгу пронеслась
мысль:

— А что, если признаться ему во всем,
неужели в нем не пробудится классовый ин-
стинкт? Попытаюсь пройти напролом, потому
что нет больше сил идти

Подошел к солдату. Тот повернулся к
нему лицом, ожидая, по привычке, пред-
ъявления пропуска. М-ко снял для приветствия
фуражку и начал объясняться на ломаном
немецком языке:

— Камрад,—большевик... рабочий... иду
домой... пусти Литву.

Лицо солдата оставалось неподвижным
— Пропуск,—провнес он привычным
тоном.

— Камрад. Ты рабочий... я рабочий...
братья... Пусти... Нет пропуска.

— Назад,—решительно заявил германец
и взяв наизготовку ружье. — Не могу,—до-
бавил он, подумав немного.

беглец понял, что солдат долга не нарушит. В нескольких шагах от моста речка до того мела, что через нее можно переправиться в брод. Это было последнее средство, но только нужно было, чтобы немец, охранявший мост, разрешил ему переправиться. М-ко снова заговорил, с трудом подбирая слова:

— Прошу... Я пойду... не мост... Вода... Литва... Мы республика большевик... Антанта эксплуатация... Антанта не рабочий... (При слове „Антанта“ солдат вздрогнул)... Ты рабочий... я рабочий... Прошу... Я пойду вода. Не смотри.

Крепко зажав в руках винтовку и, видно, чем-то упорно думая, немец посмотрел на большевика, и в его глазах заиграли как-то огоньки. Минута была критическая. Беглец понял, что в душе солдата происходит сильная борьба. Еще секунда, и немец решительно отвернулся в сторону, не сказав ни слова. Это было немое согласие.

Быстро сняв сапоги, М-ко так же быстро переправился через речку, с опаской погля-

дывая на немца. Солдат стоял спиной к броду, как изваяние. Ни разу не шевельнулся.

Вот беглец уже на том берегу. От счастья силы снова вернулись к нему. Решив проститься с немцем, он подошел к противоположному концу моста и, сняв фуражку, крикнул:

— Спасибо, комрад... брат... до свиданья... иду домой... Россия большевик...

Только тогда солдат зашевелился. Он понял, что большевик спасен. Сначала отдал честь по-военному, потом улыбнулся радостной улыбкой и протянул вперед руку, как бы для крепкого, братского рукопожатия...

Бодро зашагал красный командир к своим, а немецкий солдат, бросив на него прощальный взгляд, снова повернулся лицом к Пруссии... А там уже шли другие люди с пропущенными в руках...

Сквозь гул тысяч орудий и реки крови упорно протыгиваются через кордон невидимые, неразрывные нити, называемые братством трудящихся

Сам. Рафалович.

На рубеже.

(Путевые наброски)

Себе строим

ворванный железный мост беспомощно уперся разломанной серединой в реку, с тупым отчаянием торчал кверху прибрежные концы. Казалось, безгласная железная тварь неслышно стонет: вот служил, служил столько лет, безропотно переносил всякую тяжесть, и вдруг ни за что ни про что перешибил хребет—пропал! И зачем эта бессмысленная жестокость: ведь вот же вырастает взамен молодой брат мой, вылет снова берег с берегом, все равно не убежать им, разбойникам!

Новый деревянный мост на самом деле как будто сам выростал из воды. Стройно высились двенадцати саженный столб, сверкая на солнце белизной свежее-ободренных створов; поверх тонкая, тонкая тридцатисаженная черекладина, словно просто-напросто доску перекинули через ручеек. Всего лишь простые стропильные подпорки посередине, вот и вся механика. Но при всей воздушной, пау-

тинной тонкости постройки, чувствовалась в ней уверенная крепость: выдержит, пронесет хоть сотни тысяч громающих поездов.

Вокруг заканчиваемой постройки бурно кипела жизнь. Казалось сама серая мать-земля ожила под лучами солнца, закопошилась, поднимается на помощь своим детям, толкает кверху бревна, вяжет крепкой лентой раздельные рекою берега.

Сотни людей проворно сновали во всех направлениях, ворочая, спуская и поднимая бревна и балки, сотни топоров и молотов гулко стучали по дереву. На автомобиль члена Реввоенсовета Республики, медленно спускающийся к реке по запруженной возами дороге, никто и не обратил внимания. Нужно будет—спросит, а мы тут дело делаем.

Автомобиль остановился, кое-кто, проходя, поздоровался с нами, подошел член Реввоенсовета N армии с инженером. Инженер стал докладывать. Коротко, деловито, без лишних слов. Мост в сущности готов, хоть сейчас поезд пускай, не провалятся, последние скрепы доделываем. Кончаем в срок. Работали без всяких механических приспособлений: пила, топор, блок да канат,—вот и все орудия,

— Геройство рабочих — вот в чем наша сила, — говорит инженер, — на голодном тыловом пайке работают в две смены, по двенадцати часов в сутки, с часовой производительностью большей, чем при восьми-часовом дне.

Говорит, глаза сосредоточенно блестят. Хорошо!

Смотрю и думаю: а ведь был ты, брат, несомненно черносотенцем при старом режиме, ругал на чем свет стоит эту самую „скотину“, дул в хвост и в гриву, и все же работа не спорилась. А теперь вот, про себя забыв, и только на них диву даешься. Хорошо, брат, работаете, когда для себя строим, правда, хорошо?

Мы распрощались, и автомобиль покатил дальше к реке, на мост и снова в гору.

„Завоеватели“.

Мы едем по „чужой“ литовской земле. По дороге встречаются кое-где на самом деле литовские селения, хотя все округа скорее белорусская. Пришлось уступить ее по мирному договору тарифам лишь ради скорейшего заключения мира, чтобы обеспечить себе свободу действий в борьбе с белой Польшей. Да и жалеть в сущности нечего: местность кулацкая, нескоро пустила бы здесь корни советская власть.

Длинной вереницей тянется нам навстречу обоз. Усталые, чахлые лошаденки еле передвигают ноги, усталые люди плетутся у пустых телег.

— Откуда, товарищи?

— Из-под Ломжи. Довезли и возвращаемся домой. Эх, поспеть бы поскорее, а то не убраться им там без нас с урожаем.

— А вы сами-то откуда будете?

— Мы витебские. Далеко ходить пришлось, тяжело. И лошадей кормить нечем, и самому жрать нечего. Народ здесь сволочной — кулачье одно. Все есть, а не продает ни за что. Ни овса, ни сена, ни картошки. Голодные идем, лошадки травку щиплют, одно слово — беда, да что ж поделаешь. Стало быть надо Россию-то нашу выручать.

— Зато хоть гостинчик кое-какой домой везешь. Мануфактурки аль чего-нибудь другого, пожалуй в Польше захвати? — пошутил кто-то из нас.

Крестьянин строго посмотрел на говорящего.

— Да нешто мы грабить сюда пришли? Хоть, посмотри на возах: никто ничего не брал.

Мне вспомнились навьюченные доверху всяким скарбом обозы империалистической войны, катившие так недавно еще по той же дороге. Воистину, мы живем в другом мире.

А все-таки у вас лучше.

Мы доехали до моста. Часовой не про пускает: не проедете, испорчен, только вчера исправлять стали.

— А ну-ка, давай посмотрим

Мы прошли на мост. Оказалось всего-навсего снято несколько досок настала, да и лежат они тут же на мосту. Мы уложили их как следует обратно и поехали, несмотря на протест часовой.

За Неманом снова задержка. Тут уже целый пост. Не пропускают ни за что. Оказывается, виленский литовский комендант надул нас преподлым образом: пользуясь нашим незнанием литовского языка и „дипломатических“ обычаев, он дал нам пропуск без права переезда через Неман.

Придется поворачивать оглобли и тащиться несколько верст по пескам, когда перед тобой прекрасная дорога. Хотя, может быть, удастся сговориться с друскиеникским комендантом.

Решили попытаться, а покамест сели отдохнуть и калякаем с окружившими нас литовскими солдатами.

Товарищ Смилга отошел в сторону и лег вздремнуть, или же прятворяется, что дремлет. Неудобно на самом деле члену Реввоенсовета вопреки договору чужих солдат агитировать. А наше дело маленькое, калякаем.

Солдаты горько жалуются. Дисциплина самая что ни на есть палочная, тнись, хуже чем при царе. Тюрьмы битком набиты солдатами. И больше всего сажают за сочувствие к Советской России, за песни революционные, за русский разговор.

— Да нешто за русский разговор сажают?

— И как еще сажают. У нас кто заговорит по-русски, тот, значит, и большевик. А мы все служили в русской армии и любим поговорить по-русски, — лукаво улыбается литовец.

— Служили в русской армии и били офицеров, — добавляет шопотом.

— А вот поди со мною, только смотри, чтобы унтер не заметил, — а то донесет на меня, шкура. Интересное покажу.

Он повел меня в гору и показал только что вырытые окопы.

— Вот почему они вас через Неман не пускают. С вами мир, а с поляками угор-

Вот какие наши господа правители. Поколотили бы вы их вместо того, чтобы мириться. Мы тут только и ждем вас.

Мы осторожно спустились вниз и сели у котла, в котором варился кофе. Попробовали—ничего себе, не хуже и не лучше нашего советского.

— Как вас кормят?—Рассчитываем паек, оказывается в общем немного, пожалуй, лучше нашего боевого. Одного сахара меньше, да за то есть сало, которого у нас и вкус-то забыли. Одеты с иголочки. А жалобам нет конца. И все в один голос ругаются, что против Советской России ни один литовский солдат не пойдет: только начинайте.

Мы задаем коварный вопрос: а видели вы наших красноармейцев, как одеты и обуты?

Рвань ведь одна, что и говорить.

— Как не видеть? Все ведь здесь ваши идут. Неважно одеты, и голодны бывают. А все-таки у вас лучше.

— Как так?

— Понятное дело, кончится война, и нужда пройдет. А свобода-то ведь останется! Умно сказано.

Встреча.

Мы поравнялись с двумя красноармейцами, бодро шагающими по пыльной дороге. Молоденькие, смеющиеся, веселые лица, хотя тонкие-претонкие.

— Что так в одиночку бредете, товарищи?

— Часть догоняем. Пришлось в больнице малость полежать, дизентерией хворали.

— Чай яблоков об'елись?

— И впрямь об'елись. Да что ж поделаешь, коли жрать нечего, домашние сухарки все вышли, а хлеб казенный не поспевает за нами. Много нас переболело.

— Устали идти? Жалко, что у нас полно, и дорога для нашего локобиля тяжелая, а то подвели бы.

— Устали-то мы, конечно. А идти надо. Наша часть уже пожалуй в бою. Если не догоним, стыдно будет. Мы ведь коммунисты, вот уже полгода, как в нашей волостной ячейке членами записаны.

Андрей Стубеда.

Октябрь.

Свершилось... Трубами фабричными распята,
Склонилась над окраиной заря,
Когда Октябрьскою страницей двадцать-пятой
Откобылась Книга Бытия...

Когда встревоженный рабочим батальоном,
Звеня, гремя заговорил гранит,
Над городом не Я ли, Легионны
Заметнуд призывные огни?

И не тобою ли на Запад властво брошен
Призыв к борьбе набатным языком?!.
И не в тебе ль рожден с великой крестной Ношей
Рабочий Исполком?!.

На грубые ладони площадей Я первый,
Я первый жертвенную кровь пролил...
Я, долгой пыткой закаливший нервы,
Непобедим в единстве сил...

О, Город мой!.. В грядущее направив поступь,
Не Я ль, не Я ли в октябре сорвал
С гранитных глеч, как гнойную коросту,
Подожажно-жгивые слова?!.

С. Обрадович.

Три года борьбы за мировую революцию.

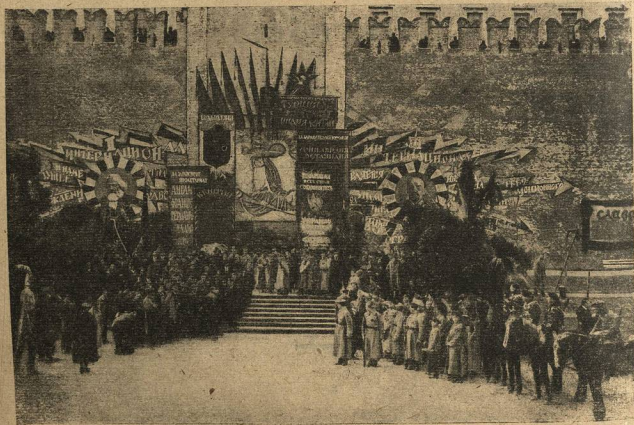
1. От октябрьской революции до Брестского мира.

25 октября (7 ноября) 1917 г. Только что лавочали четыре пушечных выстрела с крейсера «Аврора». Занят войсками Военно-Революционного Совета Зимний дворец, последний оплот Временного Правительства. Бесславно прожившее правительство соглашателей бесславно пало. Глубокой ночью собрался в Смольном Институте Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Налицо все представители петроградского пролетариата и петроградского гарнизона. Присутствуют скрывавшиеся от ищек Керенского товарищи Ленин и Зиновьев. Все лица горят энтузиазмом. Все сознают, что открывают новую страницу мировой истории. Провозглашена Социалистическая Республика, образован Совет Народных Комиссаров из преданнейших борцов революции. Задачи новой власти огромны:

передать в руки неопытных рабочих и крестьян управление великой Республикой, наладить новую организацию производства, на деле провести новое земельное устройство и покончить с проклятой, опустылившей всем, бессмысленной войной за барыши французских банкиров. Во всем мире еще стоит черная ночь: пролетарии продолжают по указке своих офицеров истреблять друг друга, буржуазия душит во всех странах малейшее проявление свободной мысли, и только одна Россия отваживается бросить вызов старому миру насилия и эксплуатации. Поистине—красный островок среди беспредельного темного океана ненависти и злобы,—океана, в который потоками выливаются реки крови убивающих друг друга миллионов крестьян и рабочих в защитных костюмах.

Но руководителей переворота не пугает, а наоборот влечет широта стоящих перед ними задач. Они чувствуют на себе горячие уве-

КРАСНАЯ МОСКВА.

Парад в честь III Интернационала.

Шествие детей на параде в честь III Интернационала

ностью в победе взоры многих тысяч петербургских пролетариев. А за петербуржцами — вся многомиллионная тлущая Россия. Они знают, что там, далеко на Западе, за шпалами мировой войны, в мозгах крестьян и рабочих зреет та же мысль об освобождении гнета хозяев капиталистов. Эта мысль еще не осознана, еще не превратилась в решимость в борьбе, в волю к победе, но она есть, таится под пеленом, и рано или поздно выхлещет ярким огнем и зажжет весь мир паром рабочего восстания. И молодая Российская Советская власть сразу берется за дело в мировом международном масштабе. Проведший 2 Съезд Советов постановляет просто выйти из войны, заключив мир с Англией. Нет, он обращается к правительствам и народам всех воюющих стран собраться общую мирную конференцию и выработать условия справедливого мира без захватов чужих земель, без угнетения малых народов, без военных контрибуций. Она призывает бросить корыстные расчеты, взаимные попреки, отказаться от тайных договоров, преследовать цели полного уничтожения противника. Сама подает пример, опубликовав все тайные договоры царского правительства с

союзническими правительствами. Но ее призыв остается гласом вопиющего в пустыне. Гул канонады заглушает его, правительственная цензура скрывает его от солдатской массы во Франции, Англии и Италии. Эти государства рассчитывают во что бы то ни стало доконать Германию и Австрию и не считают нужным даже откликнуться на мирное предложение Советской России. Германия и Австрия вступают в переговоры, но у них свой расчет. Они полагают, что Советская власть будет униженно просить у них мира, они думают подчинить себе весь юг и запад бывшей царской империи и затем справиться или же столкнуться с союзниками. Начинаются Брестские переговоры. Советские делегаты являются туда с гордо поднятой головой, они снова выдвигают свои требования справедливого мира. Через головы немецких правительственных делегатов взывают они к германскому народу, призывая его выступить на поддержку этих требований. Немецкое правительство затягивает переговоры. Между тем в среде германских рабочих начинается брожение. Многие фабрики и заводы бастуют, требуя мира с Советской Россией. Правительство кайзера, видя, что движение может раз-

Праздник III Интернационала. На Красной площади.

растись, решает задавить его в зародыше. Силой подавляет оно забастовку, круто обрывает с нами переговоры, ультимативно требует принятия своих грабительских условий мира. В среде представителей Советской власти колебания: идти ли на тяжелый мир с кайзером, Тов. Ленин настаивает на заключении мира. Он говорит: пролетариат Запада еще не окрепли для борьбы за наши требования. Мы бросили в их умы зерно революции, надо дать ему время взойти. Немецкие условия тяжелые, но они не навеки. Наши силы будут крепнуть, силы кайзера слабеть. Подпишем мир: это даст нам передышку, и мы будем использовать готовиться к новой борьбе. Кто верит в рост революции, кто верит в пролетариат Запада, тот не будет колебаться. Мнение тов. Ленина восторжествовало. Брестский мир был подписан. Рабочие и крестьяне Зап. Европы еще молчали, протест против войны, переполнивший их сердца, еще не перешел в форму открытого выступления, и Советской России пришлось временно отказаться от своей попытки прекратить кровавую бойню во всем мире

и заняться своими внутренними делами, воспользовавшись той передышкой, которую дала ей история.

II. Эпоха «передышки».

Мир был подписан, миллионы крестьян и рабочих потянулись к своим родным углам. Началась новая жизнь. Крестьяне стали устраиваться на своей земле без господ помещиков, рабочие взяли фабрики и заводы сперва под контроль, а потом под свое управление. Вся Россия покрылась сетью полновластных рабочих-крестьянских советов. Но выход из империалистической бойни не дал полного спокойствия. В равных местах, особенно на юге, вспыхивали восстания казачества под руководством царских генералов Корнилова, Каледина, Краснова и др. Их усиленно поддерживала империалистская Германия, которая под шумок наложила свою лапу на всю Украину. Она начала тем, что подержала украинских соглашателей в борьбе с большевиками, а потом устранила от власти самих соглашателей и посадила своего ставленника.

На Красной площади.

ка, гетмана Скоропадского. Четыре месяца бились против полумиллионной германско-австрийской армии разрозненные партизанские отряды большевиков, пядь за пядью отстаивая от немцев украинскую территорию. Тем временем против Советской России ополчился другой враг: союзники, или так называемая Антанта. Как немцы на юге опирались на украинских соглашателей и на казачьих генералов, так и союзники решили выступить против большевиков, опираясь все на тех же соглашателей и царских генералов. Союзники высадили десанты на Севере, в Архангельске и на Мурмане, организовали мятеж в Ярославле, а главное—обманом подняли против Советской власти 2 корпуса пленных чехословаков, направлявшихся через Сибирь во Францию. Положение было тяжелое. Но Советская власть была уверена, что народ с нею, и в этой уверенности черпала энергию для борьбы. Начала создаваться новая Красная армия. Рабочие, особенно коммунисты, дали тысячи добровольцев. Ярославский мятеж был подавлен, чехословаки отброшены от Волги к

Уралу, продвижение союзников на севере приостановлено. Это была первая проба сил в борьбе Советской России с Антантой, и победа осталась за Советской Республикой. То же было и с немцами. Их армия на Украине была многочисленна, хорошо снабжена и вооружена. Мы только что начали тогда создавать свою военную силу. Но против немцев у нас было хорошее оружие: революционная зараза. Сотни тысяч немецких солдат, попавших на Украину, проникались там революционным сознанием и заносили его в Германию. Такой же дух революции заносили в Германию начавшие туда возвращаться после Брестского мира германские военнопленные. В октябре 1918 г., через год после нашей советской революции, вспыхнула революция в Австрии и Германии. Два монарха сразу лишились своих корон, народ потребовал мира. В этот-то момент, в первую годовщину Октябрьской Республики, Съезд Советов внес предложение об отмене Брестского мира. Слова тов. Ленина оправдались. Несмотря на свои тяжелые условия, он нам принес больше пользы

чем вреда: мы за время передышки окрепли, а наши противники, кайзерские генералы, навзвасившие нам этот мир, полетели верх гор-машки и. Это была первая крупная победа Советской России над мировым капиталом, но впереди ее ждали еще трудные испытания и еще более славные победы.

III. Борьба со ставленниками Антанты.

Когда на 6. Съезде Советов получились известия о революции в Германии и Австрии и среди членов Съезда царил ликующее настроение, тов. Ленин выступил с большой речью, в которой он, поздравляя съезд с германской революцией, считал, однако, нужным предостеречь товарищей против излишнего оптимизма.

До сих пор, — сказал т. Ленин, — нам удавалось справиться с мировым капиталом, потому что он был разделен на два лагеря, сражавшихся между собой. Им было, так сказать, не до нас. Теперь победа окончательно досталась в руки англо-французского капитала, и он употребит все силы для нашего уничтожения. Мы должны быть готовы к упорной борьбе. Эта борьба тяжела, но не безнадежна. Французские и английские пролетарии — наши союзники, и в их товарищеской солиарности мы найдем поддержку в нашей борьбе.

Действительно 2 год революции был годом тяжелой, но победоносной борьбы. Мы очистили от немцев Украину, мы отбросили в Черное море стоявшие на побережья французские десанты. Французские и английские солдаты, стоявшие на берегах Белого и Черного морей, еще не были так смелы, чтобы восстать против своих правителей, но они категорически высказали свое нежелание сражаться с нами. Французские и английские правительства дожили тогда, что им не удастся вынуть против нас свои армии, которые только что победоносно боролись с войсками кайзера. Но, не желая примириться с победой цолетарната в России, они создали против нас целые армии из купеческих сынков, студентов, офицеров и насильственно мобилизованных или просто малосознательных крестьян и казаков. Появились армии Колчака на востоке, Деникина на юге, Юденича под Петроградом, Миллера в Архангельске. Но было уже поздно. Советская власть сумела организовать мощную Красную армию, которая ко 2 год довинчив революции справилась со всеми врагами, одержав над ними всеми решительную победу.

Вторая попытка мировой буржуазии раздать нас руками нашей контр-революции потерпела крах. Красное знамя Р. С. Ф. С. Р. было обвеяно славой победы, и нашими успехами стали гордиться рабочие и крестьяне всего мира.

IV. Борьба за мир и международное признание.

Юг, Север, Восток оказались в руках Советской России, но на Западе при помощи отчасти немцев, отчасти союзников образовался целый ряд буржуазных республик: Латвия, Литва, Эстония, Финляндия, Польша, которые все держались помощью Антанты. Кусочек Украины держал Петлюра, на Кавказе были республики — Грузия, Армения, Азербейджан. Не будучи в состоянии двинуть против нас собственных солдат, потеряв всякую веру в российскую контр-революцию, Англия и Франция решили бросить на нас находившихся у них в подчинении «малых сих». Английский министр Черчилль решил создать против Советской России союз 14 государств.

Если против своей контр-революции Советская Россия боролась штыком Красной армии, то против окранных государств она пустила в ход оружие дипломатии. Она обратилась к ним с воззванием, в котором признавала их независимость и предлагала заключить мир, возобновить дипломатические и торговые сношения. Окранные государства колебались: они как огня боялись коммунизма и Советской России, они получали деньги, оружие и продовольствие от Антанты, но все же они не могли не сознавать, что только Советская Россия действительно уважает права других народов и думает не о своей наживе, а о действительно братских отношениях, основанных на принципе взаимной пользы. А в Антанте они видели хищника, который смотрит на них лишь как на пушечное мясо для осуществления своих замыслов. Не только рабочие и крестьяне, но даже и буржуа соседних государств хотели мира и добрососедских отношений с Советской Россией. Победа и на этот раз осталась на стороне Советской России. К концу 1920 года ей удалось заключить мир с Эстонией, Латвией, Литвой, Грузией и Арменией. На Дальнем Востоке образовалась дружественная нам Дальневосточная Республика, а Азербейджан стал Советской Республикой, вступившей с нами в тесный союз.

Но не только на Западе, но и на Востоке престиж Советской России стал подыматься все выше и выше. В Персии, в Турции, в Китае, в Афганистане, в Индии на Советскую Россию стали глядеть, как на оплот против хищнического европейского капитала. В сентябре 1920 года в Баку состоялся Съезд, где произошло объединение всех народов Востока вокруг красного знамени Советской России. Советская Россия стала представлять собою такую силу, что всемогущая Антанга уже не могла больше рассчитывать на скорую победу над нею. В ее собственной стране стало неблагоприятно. Рабочие решительно выступили с лозунгами: «Долой блокаду, долой вмешательство в русские дела». Этому движению стали сочувствовать даже многие представители буржуазии, горевшие желанием нажиться на торговле с Россией. Более дальновидные политики из буржуазии уже понимали, что без России во всем мире будет ощущаться

недостаток сырья и продовольствия, и что надо помочь ей восстановить свое хозяйство. Правительство Англии колебалось. Часть его настаивала на возобновлении с нами сношений, стояла даже за полное признание Советской власти, другая часть продолжала бряцать оружием. Это второе течение усиленно поддерживалось французским правительством, которое не хотело простить нам нашего отказа уплатить долги царского правительства. Таким образом, между европейским капиталом и Советской Россией установились двойственные отношения: с одной стороны, английское правительство начало с нами переговоры, с другой—против нас выдвинули Польшу и барона Врангеля. Это двойственное положение продолжается еще до сих пор. Английское правительство все еще колеблется и переходит от угроз к приглашениям, от приглашений снова к угрозам. Но скоро тянуть больше будет нельзя: когда окончательно войдет в силу мир с Польшей

КРАСНАЯ МОСКВА.

Парад на Красной площади в честь III Интернационала.

и банды барона Врангеля будут стерты с лица земли, весь мир должен будет определить окончательно свое отношение к Российской Социалистической Федеративной Советской Республике

У. Что даст нам грядущий год.

Мы хотим верить, что к началу четвертого года своего существования Россия добьется мира как внутри своей территории, так и за границей. Она возьмется с удвоенной энергией за восстановление своей хозяйственной жизни. Она пустит в ход свои фабрики и заводы, наладит транспорт, разовьет все свои производительные силы как в земледелии, так и в промышленности. Она создаст нормальные условия труда для всего трудящегося населения Республики, она искоренит безграмотность, она покроет Россию сетью культурно-просветительных учреждений. Как прежде на боевом фронте, так теперь на трудовом, Сов. Россия выявит всю ту мощь творчества, на которую способен народ, освободившийся от классового ига. Перед всем миром Сов. Россия встанет, как образец братского трудового содружества,

и пролетарии всех стран Запада поймут тогда, где лежит их настоящий путь. «Через Советы, через диктатуру пролетариата к царству коммунизма» — боевым призывом раздается во всем мире клич трудящегося народа. Буржуазные правительства будут стараться путем клеветы, лжи, провокации, насилия расстроить пролетарские ряды, но безуспешно. Сов. Россия поможет своим братьям на Западе политическим опытом, приобретенным ей за три года пролетарской диктатуры, а пролетарии Запада придут нам на помощь своими техническими и культурными силами. Братский союз этих сил непобедим. И быть может уже четвертая годовщина нашей революции станет днем праздника для рабочих и крестьян всего мира. Падут границы, исчезнут окопы, и братский союз трудящихся будет венцом наших усилий

С. М. Тарно

Из поэмы „Земное слово“.

Радио в истерике
Вести бросало бомами —
«Забастовка в Америке».
«Восстание в Берлине»...
По железнодорожным линиям
Новые эшелоны мчались на фронт...
Вдруг
Грохнуло снарядом:
«В Берлине убит Либкнехт и Люксембург»...
По улицам афиши, плакаты
Кричали о белогвардейских ужасах,
К последней, решительной схватке
Звали бойцов...
А нас сжимало все туже и туже
Стальное кольцо
Не ветер унылую песню поет,
Не стон раздается над нивой
Вождей погребает рабочий народ,
Скредтавши штыки на могилею

Славься мир преображенный —
Вся земля горит.
Поездом нагруженным
Прокатил
Год,
Два,
Три.
И вот снова осень
За окном
Дни дождями ткет
В серое волоно.
А у нас в сердцах весна
Солнцем теплую влагу льет.
Кончено!
К прошлому нет дорог:
В вихре бурь закружились расы.
Вот он — бесглазый
У наших ног
Старого мира выкидыш.

Г. С. Санников

Дети красноармейцев.

Внимание больному и раненому красноармейцу.

(Из беседы с Н. И. Троцкой)

Три года Советской власти были тремя годами гражданской войны, ни на час не ослабевающей, с многочисленными врагами трудового народа. В обстановке этой напряженной борьбы все внимание республики было обращено на здорового бойца. Раненому же и больному не было никакой возможности уделять достаточного внимания, и наши больные товарищи были предоставлены самим себе.

Существовало, правда, Главное Военно-Санитарное Управление и его органы на фронтах, существовали военные госпитали, лазареты и эвакуационные пункты, но сил и средств там было мало, а пролетарская советская общественность — партийные и профессиональные организации, Советы депутатов, фабрично-заводские комитеты, союзы женщин работниц и коммунистической молодежи — были всецело поглощены нуждами гражданской войны и лихорадочным строительством советского государства в центре и на местах.

В прошлом году, когда прокатилась волна эпидемий, которая произвела ужасные опусто-

шения в рядах Красной армии, а общая экономическая газруха и топливный голод развалили наши военные госпитали и лазареты, — дальнейшее невнимание к больным становилось угрожающим для самого существования Республики

Борьба с холодом и эпидемией стала лозунгом дня, заставила советскую общественность встряхнуться и обратить все свои усилия и энергию в сторону лазарета.

Тогда, в эти холодные и сычно-тифозные дни небольшая группа работников забила тревогу, настояла на создании Всероссийского Комитета помощи больным и раненым красноармейцам при В.Ц.И.К. и широко использовала общественный подъем и прилив энергии к санитарному делу.

29 октября прошлого года состоялось постановление В.Ц.И.К. о создании Комитета помощи.

Начали мы с тщательного обследования госпиталей, и тут выяснилось, до какого крайнего предела дошла газруха: стекла в окнах отсут-

лись выбитыми; кое-где окна законопачены подушками и всяким тряпьем. От холода и сырости в лазаретах стоял такой туман, что нельзя было разглядеть ничего на расстоянии двух шагов. При приближении к койкам мы видели фигуры больных, в шапках, пальто, в шинели.

Канализация и водопровод были испорчены, прачечные не работали, а на чердаках, в кладовых сотни пудов грязного белья. Питание больных и уход за ними соответствовали общему развалу.

Везде и во всем — мерзость запустения. Небрежность санитарного персонала конкурировала с саботажем медицинского персонала, и неопытностью юных госпитальных комиссаров.

Неорганизованность напоминала первые дни после октябрьской революции, когда мы не успели еще овладеть государственным аппаратом, а чиновничество нас саботировало.

Скоро на опыте мы убедились, что необходим строгий учет, в этом большом и сложном деле, необходима планомерность, правильная постановка и выдержанная система. Мы убедились вместе с тем, что помощь больным и раненым красноармейцам не может быть делом одной лишь советской государственности, но что оно по самой природе своей требует горячего и активного содействия и участия советской общественности.

Тогда мы стали налаживать работу и одновременно привлекать к работе партию и профсоюз, женщин-работниц и коммунистическую молодежь.

Чем больше мы углублялись в работу, тем яснее нам становилось, что необходимо в самом срочном порядке обновить и освежить административный и отчасти медицинский персонал, что для госпитальных и лазаретных работников необходимо ввести строгую дисциплину.

Когда в результате обследований выяснилась потрясающая обстановка в госпиталях и не менее потрясающее безучастие так называемых «заинтересованных» ведомств, Комитет вошел с докладом в Реввоенсовет Республики. По постановлению Ревсовета была организована Всероссийская Санитарная Чрезвычайная Комиссия под председательством тов. Склянского, которой были даны чрезвычайные полномочия. Комиссия имеет междуведомственный характер, и в нее, кроме заместителя председателя Реввоенсовета Республики, входят представители Главного Военно-Санит. Управления, Политического Управления Республики, Комиссариата здравоохранения, Комитета помощи и начальник снабжения.

Комиссия эта при ближайшем содействии Комитета произвела колоссальную работу. Комитет помощи, как ближе стоящий к госпитальной жизни будировал, вскрывал недочеты. Чрезвычайная Санитарная Комиссия, пользуясь его материалом, производила соответственные перемены, постановляла и приказывала.

После нескольких месяцев упорной и напряженной объединенной работы Чрезвычайной Санитарной Комиссии и Комитета помощи, при активном участии пролетарских общественных организаций, военные госпитали и лазареты Москвы были приведены в неузнаваемое состояние. Теперь можно спокойно сказать, что главная работа по Москве в этой области проделана и что военные госпитали никогда не стояли на такой высоте, как теперь — даже в довоенное время, так как на госпитали всегда обращалось слишком мало внимания.

На ряду с этой по преимуществу организационной и санитарной работой мы развернули в военных госпиталях и лазаретах большую культурно-просветительную и политическую работу. Комитетом помощи созданы драматическая студия, концертная труппа и лекторский стол, собрана большая библиотека и книгами снабжаются лечебные заведения. Кроме того, мы провели через президиум Московского Совета постановление, обязывающее все советские учреждения сдавать получаемые ими и ненужные им экземпляры газет в Комитет, откуда они распределяются по госпиталям и лазаретам.

Образцово дело поставлено в Коммунистическом госпитале, в котором содержится до 4.000 больных. Госпиталь занимает огромное здание, полное света, радующее глаз чистотой и порядком. Этот госпиталь посетили делегаты 2-го конгресса Коммунистического Интернационала, представители западных профессиональных союзов председатель В.Ц.И.К. тов. Катинин, заместитель председателя Реввоенсовета тов. Склянский и многие другие ответственные представители Советской власти — и все вынесли самое отрадное впечатление. Состоявшийся в Москве Всероссийский съезд врачей признал, что постановка дела в госпиталях, несмотря на все переживаемые трудности, достигла небывалой высоты.

Над этим делом поработало немало рук. Мне хотелось бы, однако, особенно отметить работу д-ра Лианова, проявившего неподвижные организаторские способности, энергию, непреклонность в проведении строгого делового режима и вообще показавшего себя, как первоклассного работника в деле санитарии.

Теперь мы можем считать, что работа в центре в основном проделана, и наш Комитет помощи, как организация всероссийская, должен обратить сугубое внимание на работу на местах. Мы к ней приступили еще в конце прошлого года, но только сейчас получаем возможность всецело сосредоточиться на этом деле.

В течение истекших месяцев создан на Украине Комитет помощи по типу нашего Всероссийского при Украинском Ц. И. К. Комитет этот имеет широкое областное значение и связан с Украинской Чрезвычайной санитарной комиссией.

На Украине дело помощи раненым и больным красноармейцам пока еще не налажено, и мы имеем там картину госпитальной жизни, сильно напоминающую нашу в декабре прошлого года. Но срочные и энергичные меры принимаются, и недалеко уже то время, когда Советская Украина поставит дело помощи по московским образцам.

На ряду с этим крупным украинским объединением, по всей стране создано до 100 комиссий помощи, которые организованы при исполкомах. В эти комиссии, работающие при непосредственном участии местных исполкомов, входят также представитель местных орга-

низаций Р. К. П., профессиональных союзов, городских отделов здравоохранения, союза молодежи и отдела работников.

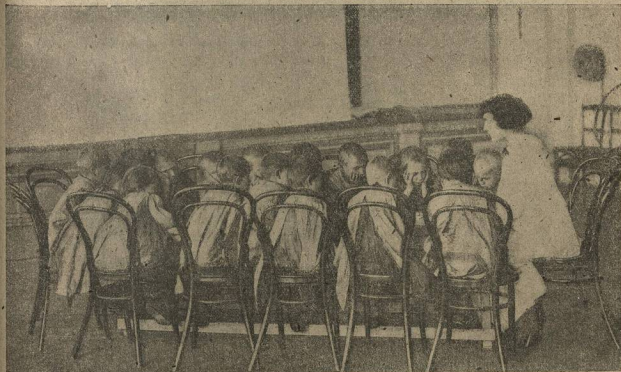
Под влиянием событий на западном фронте туда выехала комиссия, под председательством тов. Калининой и организовала комиссии помощи в непосредственной близости к линии боев—в Минске, Барановичах и друг. местах, а также подвижные госпитали, чайные и питательные пункты, санитарные транспорты.

Нередко нашим фронтовым работникам, приходилось самим мыть полы в залах I и II классов в вокзалах на прифронтовых железнодорожных станциях, убирать помещение, добывать «топчайи» и импровизировать госпитали для раненых красноармейцев. Эта работа обычно заражала многих местных работников, случайных людей и пассажиров, которые присоединялись к нашей фронтовой группе.

К тов. Калининой и ее сотрудникам местные организации обращались за советом, указанием, содействием.

Наша фронтовая комиссия обратила внимание на тяжелые условия эвакуации для лечебных заведений. Их нередко эвакуируют в последнюю и предпоследнюю очередь. Когда раненые прибывают на место назначения, там уже все помещения заняты, все забито шта-

КРАСНАЯ МОСКВА.

Дети красноармейцев.

бами, отделами и канцеляриями, и больным приходится выгружаться прямо на улицу. Нами приняты решительные меры, чтобы такому порядку был положен предел.

Такая же комиссия, как на западный фронт, отправилась и на южный. Южную фронтовую комиссию возглавляет тов. Бык.

Из работ Всероссийского Комитета помощи следует отметить создание собственными силами трех санаторных лечебных заведений показательного типа. Первая из этих красноармейских санаторий—дом отдыха для выздоравливающих красноармейцев в селе Архангельском в имени быв. князя Юсупова. Оранжереи были переделаны в палаты; для нужд санитарного лечения были приспособлены ремесленное училище и богадельня; проведены электричество, водопровод и т. д.

Второй дом отдыха показательного характера размещен нами в прекрасном здании в Богословском переулке.

И, наконец, нами сейчас открыт третий дом отдыха—для хроников.

При Комитете создано—бытовое отделение, которое дает многочисленные разъяснения и справки на все запросы, касающиеся разных сторон красноармейской жизни и быта. Сюда

обращаются красноармейцы за разъяснениями также по вопросам военного и гражданского законодательства.

В деле помощи больраненому на первом месте оказался питерский пролетариат. Он горячо взялся за дело, многое успел в самом Питере и, сверх того, создал санитарный отряд в 150 чел., который отправился для работы на кавказский фронт.

В Москве по инициативе Комитета рабочие организовали вокзальные комиссии, которые открыли на всех вокзалах справочные бюро, чтобы приезжающие больные и раненые красноармейцы находили ответ, разъяснения на свои запросы.

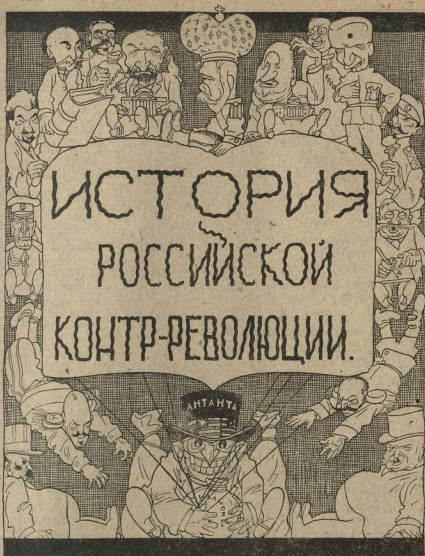
Заботу о целом ряде госпиталей, находящихся поблизости от фабрик, брали на себя фабрично-заводские комитеты, к которым эти лечебные заведения прикреплялись. Фабричные рабочие, главным образом—работницы, должны были следить за тем, чтобы в госпиталях и лазаретах дело было поставлено на должную высоту, где нужно самим участвуя в работе.

Идея помощи больному и раненому воину выдвинута нами год тому назад, проникла в толщу народную и превратилась в живое дело всей Советской России.

КРАСНАЯ МОСКВА.

Посадка дерева в память II Интернационала.

Текст М. Дальского.

Рисунки Д. Моора.

Милюков и Керенский.

Когда в феврале 1917 года началась в России Революция, кадеты, и меньшевики, и эсеры решили:

— Надо незаметно заменить революцию контр-революцией. Народ не заметит — контр-революция или просто революция, — разница небольшая: в тоде, как адмирал и контр-адмирал.

И заменили

Меньшевики в эсеры заявили:

— Мы социалисты, мы против капиталистов и потому решили — пусть будет министром Коновалов — у него всего несколько сот миллионов — сущие пустяки, мелочь.

Пусть будет у власти Терещенко. Это миллиардер — средняк. На него может опереться демократия. Это не большевик какой-нибудь, а человек вежливый.

Появились у власти кадеты, а во главе их вождь Милюков.

Милюков провозгласил великий лозунг:

— Пролетариату необходимы Дарданеллы

На Дарданельской социалистической платформе объединились кадеты с меньшевиками.

Корнилов и Терещенко.

Милюков

Керенский.

за Милокова и Коновалова.

— Рабочие и крестьяне, — кричали меньшевики, — оборонцы, — вы должны продолжать воевать с варварами немцами, потому что буржуазия будет недовольна. Если вы прекратите войну и перестанете проливать свою кровь, то Ллойд-Джордж может обидеться. Во имя революции мы не должны огорчать Ллойд-Джорджа, ибо его и Николай Романов никогда не огорчал.

Но рабочие и крестьяне все же огорчили Ллойд-Джорджа, и его план — воевать до последнего русского солдата — не ушел.

Тогда Керенский рассердился и обругал крестьян и рабочих: «взбунтовавшимися рабами».

Еще бы. Рабы — и вдруг бунтуют. Разве так можно делать революцию? В интересах революции рабы должны делать все, что нравится кадетам, и ничего не делать без разрешения Милокова. Иначе, какие же вы к черту социалисты!

Мало того, «взбунтовавшиеся рабы» оказались такими невоспитанными, такими дерзкими, что не только отказались идти с Керенским в наступление, но и самому Керенскому предложили:

— Позвольте нам выйти вон!

В самом деле, разве это демократично, когда Дарданеллы принадлежат турецким пашам, и разве не ясно, что революционеры меньшевики и эсеры, стоявшие у власти вместе с Милоковым, должны были добиваться, чтобы Дарданеллами завладели русские генералы.

Вообще говоря, февральская революция очень обрадовала капиталистов Антанты. Они были уверены, что русские солдаты, которым надоело воевать для царя, будут считать себя счастливыми, получив возможность свободно умирать, воюя

Керенский не заставил себя долго просить, быстро уложил чемоданчик и уехал искать другой должности.

Вспокойное дело быть правителем в России. Романова прогнали, Керенского прогнали. Сами хотят править. Разве благонаправные рабы себе это позволили бы?

Итак, временное правительство безвременно скончалось. На смену ему пришла рабоче-крестьянская власть.

Советская власть на три недели.

Контр-революционеры были уверены, что советская власть на три недели. Действительно, может ли существовать власть, раз ее не хочет признать его высокопревосходительство Родзянко!

Абсурд.

Однако прошло четыре недели; большевики не уходили.

Контр-революционеры приуныли. Каждый день они предсказывали:

— Завтра советы побегут.

А советчики продолжали существовать. Разве это не грубость?

— Ух, и дикири же эти большевики, сопротивляются, когда их бьют; арестовывают и даже расстреливают, когда их свергают. Разве так принято в порядочном обществе?

И буржуи стали бунтовать.

Конечно, буржуи от того не стали «взбунтовавшимися рабами».

До такого безобразия они не дошли. Они стали взбунтовавшимися господами, и потому меньшевики и эсеры не только считали возможным с ними поддерживать дружеские отношения, но и помогать им всеми средствами. И когда большевики стали этому препятствовать, раздался вопль:

— Как, где же свобода?

Вот, когда можно было бороться против большевиков и нельзя было бороться против кадетов, тогда была свобода, — а если можно бороться против

Корнилов.

— Взбунтовавшиеся рабы!

Мануйлов.

кадетов и нельзя бороться против большевиков — так это же не демократично. Мало того, это просто неприлично.

И разве кто-нибудь согласится признать такое правительствo, которое не дает себя свергнуть в то время, когда этого желает сам Вильсон.

Патриотизм контр-революционеров.

Контр-революционеры — это, как известно, настоящие патриоты. И потому они до гоявления Рабоче-Крестьянской власти вопили:

— Мы должны защищать свое отечество от немцев. Немцы — это наши заклятые враги.

Об этом они так громко кричали, что даже многие рабочие и крестьяне им поверили. Стоит уничтожить немцев, — думали они, — и на земле будет настоящий рай.

Но когда у власти стали рабочие и крестьяне, а немцы продолжали наступать на Россию, то оказалось, что немцы наши друзья. И наши патриоты — контр-революционеры стали звать немцев на Украину.

— Владейте русской землей.

Немцы перестали уже быть дикарями, и стали культурными посетителями порядка. И действительно, разве не образцовый порядок водворил я на Украине, когда

— Советская власть на три недели!

вместо помещиков стали расстреливать и пороть крестьян. Патриоты решили отдать немцам и Москву и даже сам Миллюков, который хотел воевать с немцами до конца, вдруг обзавелся немецкой «ориентацией».

— Россия нам дорога, пока она в руках русских капиталистов, но если ено хотят завладеть русские рабочие и крестьяне, то Россию можно отдать и Вильгельму.

— Это называется настоящий патриотизм.

Однако Вильгельм решил, что для него будет хлопотливо править всей Россией, и заключил Брестский мир с Советской властью.

Контр-революционеры, которые до того готовы были отдать немцам всю Россию, завопили: — Грабительский мир! Позорный мир!

Еще бы, если бы Советская власть отказалась подписать грабительский мир и немцы свергли бы Советскую власть, — тогда еще слабую и беспомощную, — в этом не было бы никакого позора. А вот, когда рабочие и крестьяне остались у власти, и немцы не оказались в силах их уничтожить, тогда и начался позор, сами немцы из друзей патриотов превратились в врагов, и контр-революционеры опять завопили:

— Немцы должны быть уничтожены!

Каждый день появлялись новые враги и друзья.

Греки выступают против большевиков — греки наши друзья. Греки бросили на произвол судьбы буржуазию и удрали на ослах из Одессы — греки наши враги. И русский человек до того, как бывало прочитает белогвардейскую газету, никогда не знал, кого же ему ненавидеть и кого любить.

А контр-революционеры становились все патриотичнее. Они соглашались отдать Россию даже неграм. Но претные войска спасали Россию вяло. А большевики добровольно не ушли, и как это было с их стороны неприлично!

Как неприлично!

— Советская власть на неделю, не больше.

Антанта и Советская власть.

Наконец, сама Антанта, освободившись от войны с Германией, взялась спасать Россию.

Объявили блокаду. Россию заперли со всех сторон, никаких товаров не пропускали. Рабо-

...Стали срд и с нралов играть дем кравов, ког рме быт гласил сь взять власть в России...

чие, вместо того, чтобы работать на фабриках, взяли винтовки и пошли на фронт. Некому стало работать, деревья и гвозди не могла достать. В городах часто, кроме хлебных карточек, никаких хлебных запасов не было.

А Антанта торжествовала.

— Смотрите, большевики не могут наладить производство!

Антанта стала вооружать контр-революционеров и посылать их против Советской власти. И когда Советская власть все же не пожелала сдаться, контр-революционеры завопили:

— Большевики углубляют гражданскую войну! Эти варвары воюют, когда на них надают, разве с такими варварами можно разговаривать?

Стали среди генералов искать таких демократов, которые бы согласились взять власть в России.

Охотников нашлось много. За хорошие деньги почему не поработать, за звонкое золото почему и не спасти Россию.

Антанта торжествовала

— Смотрите, даже такие демократы, как генералы, против Советской власти.

А меньшевики и эсеры почти-точно склонялись перед их превосход-

ствами и уверяли, что революция может быть только генеральской, а не пролетарской.

Антанта была в восторге.

— Смотрите, вот настоящие социалисты. Они знают, что социализм без разрешения их

превосходительств вводить нельзя. Таких социалистов даже королю не вредно иметь

Верховный правитель Колчак.

После того, как Советская власть, вместо того, чтобы усугубить Россию чехо-словаками, разбила их, появился Колчак. Колчак взял у Антанты подряд на уничтожение большевиков, и приступил к работе.

Сначала, как водится, он действовал вместе с меньшевиками и эсерами. Сам Чернов благоволил Колчака и провозгласил:

— Россию может спасти только адмирал, ибо только адмирал способен созвать Учредительное Собрание.

Но Колчак, раньше чем взять Москву, не стесняясь, объявил себя верховным правителем России, и прогнал всех своих эсеров.

— Никаких чинов не имеют, а тоже лезут править Россией!

Верховный правитель повел свои войска на Москву, но с ним случилась по дороге маленькая неприятность: его разбила

А Антанта негодовала:

— Ну и грубияны эти большевики, не умеют с адмиралами обращаться,— обижают их. Контр-революционеры приуныли:

Если уже адмирал не может утопить в крови рабочих и крестьян, то как же это делается сухопутный чин!

И было отчего приуныть контр-революция. Пришлось все же возложить свои надежды на сухопутного демократа Деникина

Единая, неделимая.

Деникин заявил:

— У меня есть разрешение от Антанты править Россией и потому прошу мне подчиняться. Россия должна быть единой, неделимой, потому что во главе России буду я, а я делиться ни с кем не люблю.

Деникин разослал своих офицеров, и те стали плетью и нагайкам собирать добровольцев для армии. Таким образом была создана добровольческая армия. Кто не

..Оказалось, что немцы наши друзья.

..Они согласились отдать Россию даже немцам.

Вобуттававшиеся буржуи...

Пуришкевич

хочет добровольно стать добровольцем, тогда немножко расстреливали, и потому добровольцев стало довольно много.

На фонарных столбах были устроены виселицы, но все это было очень демократично, потому что висали и демократию, а не только рабочих и крестьян

Деникин стал преследовать даже меньшевиков.

И он был прав

В самом деле, хотите служить оуржуазии и восстанавливать буржуазный строй, так нечего называться социалистами и смущать генералов неприличными словами

Вообще говоря, Деникин был довольно откровенный политик, нужно отдать ему справедливость. Он вещи называл своими именами, и это отличало его от других превосходительных демократов

Когда он порой крестьян, он при этом не приговаривал:

— Да здравствует неприкосновенность личности.

Когда он устраивал погромы и сжигал крестьянские избы, он при этом не приговаривал:

— Да здравствует неприкосновенность жилища.

Опирался он на левое крыло Союза русского народа и Михаила Архангела, во главе с Пуришкевичем, и за это на него часто жаловался барон Врангель.

— Революционер, в дружбе слезым элементом.

Завосылавя Россию, Деникин чувствовал себя в ней совершенно свободно.

Попы и добровольцы свободно распевали «боже царя храни»

Неловко чувствовал себя генерал только тогда, когда приходилось говорить о политических программах:

— Политику выдумали социалисты,—говорил он,—истинно русские люди должны жить без политики, в страхе божем. Россия нужна одна программа: самодержавие, правослабие и народность, а все эти конституции выдумали инородцы.

Ясно и просто

— Что вы будете делать, когда возьмете Москву,—спрашивали Деникина.

Отслужу молебен, налажу с помощью Антанты производство на канатных заводах, и перевешаю всех советских работников.

— А как вы разрешите продовольственный вопрос?

— Я же говорю, что перевешаю всех советских работников.

Тогда в городах народу останется мало, и прокормить их будет легко.

— Смелый был генерал, но когда он уже приближался к Москве, вдруг споткнулся и упал в Константинополь.

— Теперь, он тайно обучает Ллойд-Джорджа и Мильерана как бороться с большевизмом и не только Мильеран,—человек не столько способный, сколько на все способный, но и Ллойд-Джордж делают крупные успехи и скоро презойдут своего учителя.

Ллойд-Джордж
Плачет...

Смеется...

Баронский социализм.

— Теперь барон Врангель стал воевать за свободу. Он долго сидел в Крыму и когда появились поляки, осмелел, и двинулся вперед:

— Каждый порядочный генерал,—рассудил барон,—должен быть несколько месяцев правителем России, а то и за границей неловко будет показаться, скажут:

— Чего стоит этот глупый генерал, если не мог стать даже верховным правителем России.

В самом деле, нет дела легче этого. Для этого не нужно владеть Госсией, ее столицами. Подошел к малому Токмаку и готово—провозгласил себя верховным правителем. А если овладел большим Токмаком, то можно и корону заказать.

Не беда, если теоя не призвала Россия, чтобы быть верховным правителем нужно, чтобы тебя признала Франция, а это легко устроить: Францию об этом спрашивать не нужно. Если Мильеран скажет:

— Франция признала.

— Значит, признан. Ибо, когда речь идет о Франции, то при чем здесь французские рабочие и крестьяне

Барон Врангель про водил баронский социализм.

Земля должна быть отнята у крестьян и

Поведение Антанты.

Поведение Антанты...

Милостью Антанты Д'юкин первый и последний.

нимаются физическим трудом: убивают рабочих и крестьян.

Теперь Врангель ждет своей очереди, когда придется укладывать чемоданы, и вступить в профессиональный союз безработных правителей России.

Польская независимость.

Революция освободила поляков. Советская власть первая признала независимость Польши.

Но польским панам этого оказалось мало.

Если пролетарская Россия их освободила, то ясно, что им осталось одно. В ответ на это поработить Россию.

И они, добившись независимости Польши, решили добиться и независимости России от русских.

Кому же не ясно, что Россия для поляков?

Пилсудский произвел исторические изыскания, по которым вся Россия принадлежала полякам. Ведь поляки когда-то были даже в Москве, следовательно даже и Москва должна принадлежать полякам.

Ясно, что Россия должна быть Польшей.

Чтобы доказать это, Пилсудский взял у Антанты заказ на завоевание России, и двинулся со своими войсками вперед.

Добрался он до Киева, овладел им и заявил: — Киев—мать городов польских.

Поляки уже готовы были овладеть и другими польскими городами: Одессой, Харьковом, Тулой, Орлом. Им помешало только то, что красные войска пошли на Варшаву.

Затем поляки не прочь были пойти на Киев. Таким образом, могло бы установиться прямое военное сообщение Варшава—Киев и обратно. Но Красная Армия может и переме-

разделена на социалистических началах между баронами.

Фабрики и заводы должны принадлежать трудящимся баронам.

А то, что бароны трудятся, это ясно.

Ведь они занимаются физическим трудом: убивают рабочих и крестьян.

нить маршрут: вместо Варшава — Киев, Варшава — Берлин.

Все зависит от того, разрешит ли Антанта полякам окончательно мириться с нами или пожелает превратить Россию в польскую губернию.

А как будет вести себя Антанта, это теперь зависит от того, как далеко будет Красная Армия от Севастополя.

Если красные будут в Александровске, то большевики будут захватчиками власти, насильниками и даже империалистами. С ними не могут разговаривать такие невинные политики, как Ллойд-Джордж, которые заключили Версальский мир и кроме Германии ограбили всего только пол-мира с тем, чтобы другую половину ограбить позже.

Если красные войска будут у Перекопа, то большевики будут критиками, ставшими на ложный путь, которые еще могут исправиться, если будут слушаться Вильсона, и с которыми уже можно разговаривать, но которых еще нельзя признавать.

Если красные подойдут к Севастополю, то Советская Россия будет великой державой, и условия, какие она будет предлагать, будут справедливыми.

Если же красные займут весь Крым, то в передней у Каменева будут ждать очереди послы всех держав, и будут вежливо предлагать:

— Пожалуйста миритесь с нами.

При чем дипломаты-англичане будут ссориться с дипломатами французскими, английские дипломаты будут уверять, что они первые должны мириться с Советской властью, потому что они демократы.

Французские дипломаты будут возмущаться: — Как, во Франции была Парижская Коммуна, а в Англии не было. Мы ближе к большевикам.

Ллойд-Джордж же по праздничным дням будет завозить Каменеву визитную карточку.

...Доб. оловцы распевали.

Россия для поляков.

...Он долго сидел в Кр. у...

А лорд Керзон будет обращаться к Чечерину не иначе, как.

— Дistinguished лорд Чичерин.

А заканчивать свои ноты будет так:

С коммунистическим

приветом Лорд Керзон.

Дальнейшая история контрреволюции, таким образом, находится на острие штыка красноармейца.

Дипломатия штыка оказывается очень убедительной.

Барон Врангель преводит баронский социализм.

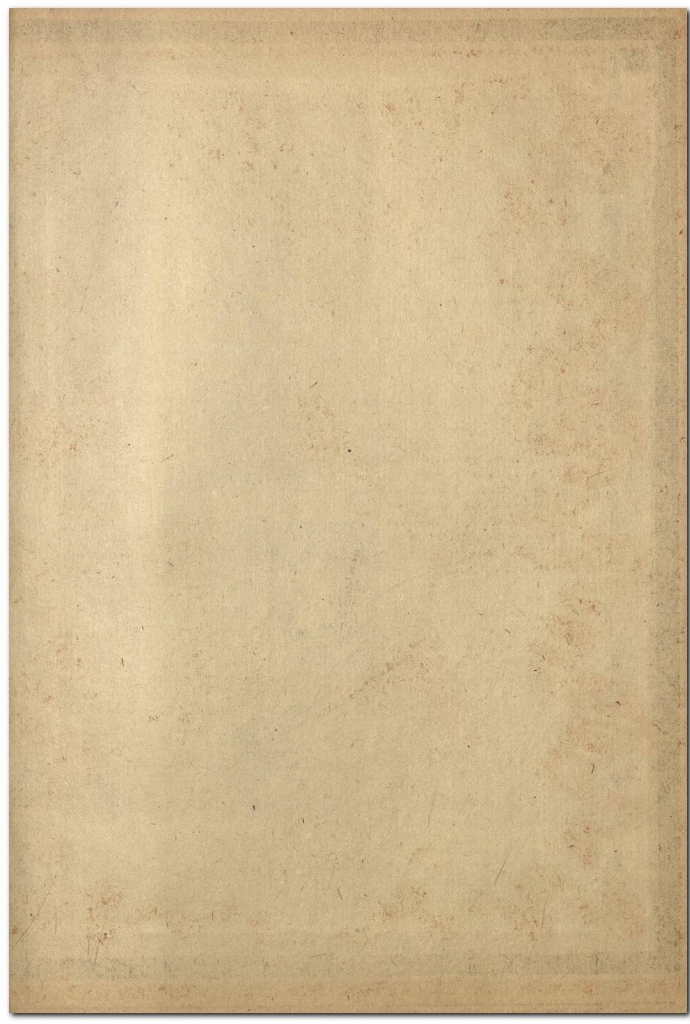
СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
В. Александровский. О незабываемом	2
Л. Троцкий. Задача на четвертый год	3
Мих. Царев. Воскресение	4
М. Калинин. Промедленный год	11
Я. Шатуновский. Во имя светлого будущего	12

ВОСПОМИНАНИЯ И БЕСЕДЫ О ВЕЛИКОМ ОКТЯБРЕ.

А. Луначарский. Историческое заседание	16
В. Антонов-Овсеенко. Повесть октябрьских дней	18
В. Антонов-Овсеенко. Подготовка переворота	24
Н. Мурадов. В октябрьские дни	30
К. Цеткин. Приветствие Красной армии	31
Василий Князев. Красная армия	—
Г. Зиновьев. Приветствие Красной армии	33
Д. Полуян. Кадровый красноармеец	34
Д. Петровский. Кузница победы—кузница мощи	38
Валерий Брюсов. Весною	42
С. Рафалович. На границе	43
Андрей Стубеда. Вытовые очерки	44
С. Обрадович. Октябрь	45
С. Гальперин. Три года борьбы Советской власти	46
Гр. Санников. Из поэмы „Земное Слово“	52
Н. Троцкая. Внимание больному и раненому красноармейцу	53
М. Дольский. История российской контр-революции	57

Обложка и украшения А. Аршита

Т О В А Р И Щ
Б Е Р Е Г И
Ж У Р Н А Л
П Р О Ч Е Л
П Е Р Е Д А Й
Д Р У Г О М У